

ТАМУНА МЕНРО

Если нужно выбрать..
Пусть это буду не я

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

*Под лавиной
чувств 2*

МЕНЯ НЕ ВЫБИРАЙ

Опасные чувства

Тамуна Менро

**Под лавиной чувств
2. Меня не выбирай**

«Автор»

2026

Менро Т.

Под лавиной чувств 2. Меня не выбирай / Т. Менро — «Автор», 2026 — (Опасные чувства)

Заставшая своего возлюбленного с другой, Варвара Васнецова сбегает в горы, где планирует встретить праздники, свой день рождения и прийти в себя. Но сколько ни беги от настоящей любви, она догонит. И Захар догнал, доказав, что не предавал ее. А заодно привез с собой свою семью из прошлого: бывшую жену и дочь. Васнецова и Шишкин только учатся строить отношения на доверии, но судьба устраивает их чувствам одну проверку за другой, стирает грань между прошлым, настоящим и будущим. Семейные тайны, непрекращающиеся угрозы от анонима, преследования и смертельная опасность — все это ждет героев в заключительной части дилогии Под лавиной чувств. И самый сложный в их жизни выбор, где верного варианта не существует. Дилогия. Книга вторая. Возрастное ограничение: 18+ Содержит нецензурную брань, откровенные сцены. ХЭ. Снимайте свою реакцию на 30-31 главах - пожелание от моих бета-ридеров из числа первых читателей)

© Менро Т., 2026

© Автор, 2026

Содержание

От автора	5
Пролог.	6
Глава 1.	9
Глава 2.	15
Глава 3.	18
Глава 4.	22
Глава 5.	28
Глава 6.	41
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Тамуна Менро

Под лавиной чувств 2. Меня не выбирай

От автора

Вся наша жизнь - череда выборов. Мелкие, несущественные. Серьезные и даже судьбоносные. Сложные, спорные, вынужденные. Именно такой выбор ждет Варю и Захара. Им предстоит не только определить роль и место друг друга в своей жизни, но и встретиться со своим прошлым, вклинивающимся в их настоящее. И от их выбора зависит слишком многое. И что бы они ни выбрали, это решение их не отпустит до конца жизни.

Но, не буду забегать вперед. Читайте сами. Прочувствуйте эту непростую историю любви, которая начиналась так весело и беззаботно. Признаюсь, меня она помотала сильно. Высосала, опустошила, но, ставя точку в финале, я не переиграла бы ни одну сцену, даже самые спорные и неоднозначные - их особенно.

Приятного и эмоционального прочтения) Ваши эмоции - моя лучшая награда. Очень жду вашу обратную связь, каждый отзыв важен для меня. Только прошу без спойлеров по сюжету.

А теперь, переворачивайте электронную страницу,

Кабарга и Олень уже вас заждались. Ах, да, толстяк Пушок тоже)

Крепко обнимаю.

С любовью, ваша Тамуна Менро.

Пролог.

Поселок Аршан, республика Бурятия.

— Их слишком долго нет. Я уже волнуюсь. Дернул их черт туда поехать именно сегодня, — ворчит и ворчит Даша, поджимая под себя ноги на чрезмерно большом диване в гостевом доме, и никак не может найти удобную позу.

Ее тело отказывается расслабиться, с каждой минутой ожидания тяжелея и напрягаясь все больше. За шумным сотрясением воздуха девушка прячет не просто волнение – панику. Подруга, у которой сегодня день рождения, уже давно должна была вернуться или, как минимум, выйти на связь.

— Даша, не накручивай себя, — отмахивается от нее Саша, лениво листая ленту в социальных сетях. — Им нужно провести время вдвоем. И они выбрали такой романтичный способ. Только представь: снег, горы, чистый воздух, и она крепко обнимает его сзади, держится за него изо всех сил. — Мечтательно вздыхает, улыбаясь своим мыслям, и медленно возвращается взглядом к Даше. — Тебе опять скучно? Расслабься и получай удовольствие. Мы успели и праздничный стол для Варвары организовать, и фотосессию устроить. Лучше посмотри, какие фотографии получились, — она открывает галерею в телефоне и демонстрирует яркие снимки. — Твоя идея с купальниками на фоне парящей реки и снежных гор просто отпад. Это тебе не заезженные Мальдивы или горы в Швейцарии, а российская глубинка. Настоящий русский экстрим.

— Это надо умудриться поставить рядом слова “заезженные” и “Мальдивы”, — язвит Даша на снобство эффектной блондинки. Ее коробит такое пренебрежение к дорогим путешествиям и вообще к деньгам, ведь она зарабатывает каждый рубль кровью, потом и своим временем. — Вы абсолютно не цените того, что можете себе позволить. Давай махнемся местами? Ты будешь пахать с утра до ночи на двух работах, а я, так уж и быть, полежу за тебя с книжкой и бокалом мохито на безлюдном пляже заезженных Мальдив. И могу даже вздохнуть над бренностью мирской жизни, изображая во взгляде вселенскую грусть. И жертвовать деньги на спасение популяции морских котиков.

— Да ценю я, ценю! — Саша поднимает правую бровь в легком раздражении. — Не хотела тебя задеть заезженными Мальдивами. Это мой уровень нормы. И я не собираюсь извиняться и подбирать слова, чтобы ненароком тебя не обидеть. Даш, это просто моя жизнь.

— Выпендрейница... — закатывает глаза девушка в нежелании продолжать бессмысленный спор. — Сытый голодного вряд ли поймет. Скорее, поймеет.

По большому счету, Даше все равно и на Сашу, и на ее образ жизни, и на ее баснословно роскошный уровень нормы. Сейчас ее волнует одно: где Васнецова, которая вместе с большой компанией друзей Захара с утра пораньше поехала кататься на снегоходах.

— И как Варвара тебя выносит? — жена Гордея Романова, с которым у переживающей девушки сразу что-то пошло не так, продолжает дразнить новенькую в их компании.

— Могу спросить тебя о том же, — резко бросает та в ответ, встает и подходит к окну: практически ничего не видно от усиливающегося снегопада, к которому добавляется еще и метель.

Нехорошее предчувствие холодит изнутри, словно вся зима забралась к ней под кожу и зудит, чешет, даже раздрает обычно стабильную нервную систему.

— Девчонки, завязывайте вы уже с этими покусываниями. Две стервы в одном помещении или поубивают друг друга, или станут лучшими подругами. Что выбираете? — Карина Дружинина, жена друга Захара, берет одной рукой дочку Саши Есению, а второй — кувшин с горячим безалкогольным глинтвейном, подливает его в пузатые новогодние кружки с наринованными оленями и присаживается на диван. — Саш, твой глинтвейн лучший в мире! Ради

него мы дружно закрываем глаза на твою периодическую заносчивость и аристократический сарказм. — На мгновение Даша поворачиваюсь к Карине, в который раз отмечая, какая же подтянутая у нее фигура, хоть она и прилично старше ее. Она о такой форме только мечтает, но слишком ленива, чтобы мучить себя до изнеможения в спортзале. Даша лучше не будет есть! Отворачиваясь, она прижимается лбом к ледяному стеклу и закрывает глаза, пока Карина делится и своими переживаниями: — А наших и правда долго нет. Оставили нас тут готовить и смылись. Деловые! Да, Лиза?

Карина все никак не может подключить к спонтанному девичнику найденную дочь Захара, с которым ее муж Артем Дружинин дружит со времен службы в армии. Девушка явно чувствует себя не очень уютно и не знает, куда себя деть, о чем говорить и чем занять руки, которые постоянно вытирает о скомканную на коленях сервировочную салфетку красного цвета с красивыми рюшами по краю.

— Я – Соня, — медленно и четко проговаривает дочь Захара. — Не Лиза, — и добавляет с едва уловимой толикой злости: — Не нужно меня так называть.

Ей непросто в компании отца и ее чувства можно понять. Девчонка проводит старый год разрушением всех основ своей жизни, узнав, что ее отец жив и искал ее все эти годы. Что с рождения она носила другое имя, но мама, замечая следы прошлого, изменила имена-фамилии себе, дочке и даже своей маме. А сейчас Новый год она встречает в незнакомом месте, с новыми людьми, согласившись на уговоры отца. Его она пока называет Захаром, не решаясь перейти на более близкую, семейную терминологию.

Захар с мамой Сони-Лизы безумно любили друг друга, и дочь стала для них настоящим подарком. Но их семья не пережила испытаний — Захара посадили в тюрьму, и мама выбрала для дочки жизнь без ненужного стресса, вдали от низкого социального статуса отца и его опасного криминального прошлого.

Даша медленно разворачивается к присутствующим и одновременно с этим Саша подпрыгивает на месте от входящего телефонного звонка. Карина нервно встает, бултыхая ноги маленькой Есении из стороны в сторону, держа ее за подмышки, чтобы малышка увлеклась новым развлечением и не просилась к матери. Соня комкает несчастную салфетку в кулаке так, что ее практически и не видно. Тоже волнуется, хоть и старательно это скрывает.

— Да, Гордей, — Саша ставит звонок на громкую связь, подчиняясь шептанию и активной жестикуляции руками Карины.

— У нас тут... ЧП...

Из-за плохой мобильной связи голос ее мужа прерывается. Саша заметно выдыхает, ведь Гордей, очевидно, в порядке, в то время как остальные в комнате перестают дышать. И только Есения недовольно требует от Карины продолжать ее крутить, но девушка никак не реагирует, даже когда ребенок вцепляется в ее длинные русые волосы и настойчиво оттягивает их на себя.

Карина вырывает телефон у Саши, пересаживая ей на руки дочь, и кричит Гордею:

— Артем где?! — она совсем не обращает внимания на оставшиеся в кулачках Есении волосы. Их спасением занимается Саша, осторожно убирая пальчики девочки и отвлекая ее несуществующей птичкой за окном.

Бульканье в телефоне добавляет тревожности и нагнетает и без того напряженную обстановку. Даша подходит к Карине и слегка обнимает ее, сдерживаясь, чтобы не забрать у нее телефон до ответа Гордея и не начать орать в трубку, требуя дать ей подругу.

— С Темой... — бульканье, — все в порядке...

Карина плюхается на стул и аккуратно кладет телефон на стол и наклоняется к нему лицом в ожидании новых подробностей о других участниках поездки.

После очередного шипения, бульканья и треска звонок обрывается. Карина выпрямляет спину, убирает руки со стола, словно поранившись о его поверхность. Она извиняется взглядом за то, что остальные не успели поговорить.

Саша с дочкой на руках берет телефон и тут же набирает номер Гордея, но он уже вне зоны доступа. После многочисленных безрезультатных попыток дозвониться хоть до кого-то не на шутку обеспокоенные девушки, как по команде, кладут свои телефоны в стройный ряд “лицом” вверх. Они избегают взглядов друг друга.

Наступает резкая тишина. Она по-змеиному заползает в вены, заполняя их ядом неизвестности и страха. А надежда... она робко стучит в окна хлопьями снега, налипая на него белыми сгустками, шепчет, успокаивает, что все будет хорошо, просит ее впустить, принять во внимание. Но ее никто не слышит.

Глава 1.

Захар.

За несколько дней до этого.

Детский дом, Екатеринбург.

Это не шуба Деда Мороза, а камера пыток с эффектом сауны. Под белой искусственной бородой моя собственная вот-вот станет мочалкой. Грим неприятно стягивает кожу. Как девушки ежедневно насилюют свою кожу этой краской? Моя — все время чешется, и я то и дело ерзаю мышцами носогубки, пошевеливая застывающее под слоем грима лицо.

Тело прямо сейчас требует отловить в зале самую симпатичную докторшу, устроить для нее стриптиз, скинув невыносимо жаркую шубу, и запереться с ней дома на пару дней. От мыслей, что сделаю с ней за эти 48-72 часа, начинаю заводиться.

Эта зубная фея с острым языком, попкой-орехом и скорым на расправу кулаком с ума меня сводит. Хочу взбалмошную стерву. До безумия. В армии после сигнала дневного¹ “рота, подъем!” нужно было успеть одеться, пока горит спичка. Я же в полной боевой готовности, как только ее вижу! Дневальный не успел бы чиркнуть спичкой!

А пока моя женщина-кошка ждет моего выхода вместе с ребятней детского дома в зале с елкой, я громогласно тренирую фирменное “хо-хо-хо” Деда Мороза. В меня вселяется азарт от спонтанной сказочной роли вместе с духом детства и, когда моя напарница Снегурочка отворачивается — превращаю посох с наконечником из разноцветной мишуры в посох Бо, легендарное оружие черепашки ниндзя Донателло², и кручу его над головой.

После усыновления я зачитывался историями про зеленых мутантов и их учителя крысу Сплинтера³. В детском доме, где я рос до семи лет, таких книг не было. А читать я научился рано, в пять. Этот факт особенно умилял моих воспитателей, и они демонстрировали меня как редкую зверушку всем, кто приходил “посмотреть” детей. Только предпочтение отдавалось более мелким и менее проблемным. А мое “шило в жопе”, как мне говорили, отбивало всякое желание стать обладателем умного ребенка. Я был сорванцом, из которого можно было делать энергетики, начинку для вечного двигателя или топливо для ракеты. Неудобный непоседа покорила молодую пару, у которой до меня случилось три выкидыша подряд, как потом мне рассказала приемная мама.

Имя “Захар” было написано на записке, вместе с которой меня подкинули в детдом в потрепанной коляске красного цвета. В поношенном девчачьем вязаном костюме и такой же девчачьей шапке не по размеру. На клочке бумаги было только имя и дата рождения. В кулачке у шестимесячного пацана, оказавшегося ненужным родной матери, была зажата самая обычная сосновая шишка, с которой я категорически отказался расставаться. Фамилию мне выбрали в честь шишки.

О начале моей жизни мне рассказала старая повариха в детдоме, которая меня жалела и подкармливала домашними булочками с сахаром и маком. Она же и научила меня читать. У бабы Нюры, как я ее называл, даже сохранилась моя фотография с той коляской. Снимок хоть и черно-белый, но я в деталях помню этот ржаво-красный цвет, скрип старых несмазанных колес. Наверняка, и об этих деталях я услышал от бабы Нюры, а потом придумал, что помню сам.

¹ военнослужащий, который будит всех по распорядку дня.

² один из главных героев франшизы “Черепашки Ниндзя”, созданной авторами комиксов Кевином Истменом и Питером Лэрдом. В качестве оружия этот герой использовал еревянную палку “посох Бо”.

³ персонаж из франшизы “Черепашки Ниндзя”, созданной авторами комиксов Кевином Истменом и Питером Лэрдом.

Эта история с коляской, розовой шапкой и шишкой давно не вспарывает мне душу. Так, слегка царапает. И сейчас, готовясь к выходу к детям, как и я оставшимся без родительского участия на попечении у государства, она нет-нет, да и оставляет на мне свои незримые отметины ржаво-красного цвета. Пытаюсь разогнать их волшебным посохом Деда Мороза. Как ни странно, получается.

— Хо-хо-хо, — наигранно весело выдавливаю из себя, не для роли, чтобы еще раз напомнить: волшебство может случиться в жизни каждого, каким бы недостижимым оно ни казалось.

Мое усыновление стало именно таким. И, более того, мне повезло с настоящими родителями, которые растили меня как родного и не скрывали от меня правды, повторяя снова и снова, что узы настоящей семьи сильнее крови и генетики. Они всегда верили в меня, даже когда вытаскивали мелким засранцем из полиции за очередное хулиганство, разбирались с родителями пацанов, которым я навалял во дворе или классе. Всегда верили в меня даже больше, чем я сам.

Это они писали мне каждый день в тюрьму, продолжая крепко держать и опоясывать меня узами семьи. Родители погибли в автокатастрофе, когда ехали встречать меня из тюрьмы. Вся моя жизнь под фамилией Шишкиной — это череда бед, наступающих друг другу на пятки, с небольшими и редкими вкраплениями чего-то хорошего. И появление в ней Васнецовой как яркий свет, который прогоняет тьму. Свет, за который я держусь, напитываюсь им, становлюсь его частью.

Сегодняшнее незапланированное выступление нужно мне не меньше, чем этим мальчишкам и девчонкам. Я хоть и давно вырос, но все также отчаянно нуждаюсь в чуде, в которое уже практически и не верю.

Я хочу найти свою дочь. Голубоглазого ангела с пухлыми ярко-красными щеками от аллергии на материнское молоко. Настя, моя жена, под тот наш последний совместный Новый год не сдержалась и наелась мандаринов, которые и высыпали потом на лице моей крошки.

Эти щеки... Их цвет и шершавость я тоже помню до сих пор. Как и запах печенья от моего ребенка, который появлялся и становился физически осязаемым, когда она спала. А как она прижималась к моей щетине и терлась о нее, заливаясь смехом до икоты... Обвивала своими ручками мою шею, крепко-крепко...

Как же мне ее не хватает. Прошло столько лет, а отчаяние и боль от этой потери продолжают мучить меня каждый гребаный день. И только Варя, с ноги, точнее с кулака, ворвавшаяся в мою жизнь, одним своим присутствием умудряется отвлечь меня от тягостных воспоминаний и учит заново радоваться жизни и получать удовольствие от самых простых вещей.

Я думал, что никогда уже не влюблюсь и не вяжусь в постоянные отношения. Не верил, что смогу еще испытать сильные чувства, ведь я так любил, буквально, боготворил Настю, которая меня дождалась из армии. Мне она казалась неземным созданием. Чистым, непорочным, любящим. Ее несуществующий нимб, который я выдумал, теперь видится иначе — это венок из колючей проволоки предательства. И он до сих пор на моей голове.

Варвара. Она изменила все, сама того не зная. Эта бесстрашная кабарга ослабила тиски колючей проволоки, накрыла израненную душу теплыми ладонями, шепча в самые темные ее уголки *“Я выбираю тебя. И всегда буду.”* И я ей верю. Она моя. Не идеальная. Не тихоня с маской-ангельским личиком. Варя абсолютно земная девушка. Смешная, вспылчивая, горячая. Настоящая. Такая, что я горю вместе с ней, чувствуя себя снова живым. С ней я вспоминаю давно забытый вкус радости. Да я на обычный снегопад теперь смотрю иначе! Банальные снежинки вызывают неконтролируемую улыбку! Шишкин и улыбка! Гордей хотел скорую вызывать, когда я зашел в офис с улыбкой на всю рожу. Тот глазам своим не поверил и начал подтрунивать надо мной, требуя инопланетян вернуть на Землю его друга с траншеей из мор-

щин на лбу и между бровей. Этот шутник грозился вызвать людей в черном⁴ и каверзными вопросами испытывал меня на подлинность!

Видел бы меня друг сейчас! Точно скорою бы вызвал! Или дурку. Шишкин в костюме Деда Мороза. И, черт возьми, мне это нравится!

— Хо-хо-хо! Давай, внучка, тебя уже ждут! — Подмигиваю напарнице в костюме Снегурочки и выталкиваю ее за дверь, к ребятам. А примерно через десять минут и мой выход. Снова играюсь посохом, представляя себя мультяшкой-мутантом, и ржу сам над собой.

Сейчас отыграю свою роль, поздравлю шпану, и поедем с Варей домой. Домой. В груди разрастается жар от такого простого, но такого значимого слова. Наш с Варей дом. Сегодня мы наряжаем елку. Нашу первую елку. И свой лучший “подарок” я распакую прямо под ней сегодня же. Готовься, Варя, у Деда Захара и его посоха на тебя огромные планы!

В зале для мероприятий гаснет свет и дружный гул из детских позывных “Дед Мороз” дает мне команду на фееричное появление. Музыка с имитацией тройки лошадей новогоднего волшебника включает во мне убойную дозу и без того зашкаливающей энергии. И Дед Мороз врывается в шум, гам и восторженные глазенки малышей, которые отчаянно все еще верят в чудо. Пулей в мозгах застревает старая мысль взять ребенка из детдома на воспитание, как мой друг Артем Дружинин. Уверен, что из меня получится хороший батя, каким я не смог стать для своей дочери. Крепче обхватываю пальцами волшебный посох и на секунду замуриваю глаза, про себя загадывая найти Лизу, нарожать с кабаргой маленьких Варюх и взять самого вредного пацана из детдома. Такой большой мальчик ты, Захар Шишкин, а по-прежнему желаешь всего и сразу. А жизнь она ведь та еще засранка, любит обламывать по-крупному.

Я так вовлекаюсь в постановку, что некогда даже искать Варю в зале. Малышня выжиμαет из меня все соки, соревнуясь в этом с шубой Деда Мороза, пропитавшейся моим потом. С языком на плече, запыхавшийся, как после хорошего кардио в спортзале, слушаю стишки от мальчишек и девчонок. Слов практически не могу разобрать, но киваю каждому из них так, будто ничего круче до этого и не слышал. Так и есть! Хочу раздавать конфеты из своего мешка горстями не за стихи, а просто так, за их улыбки, но боюсь, что организаторы могли не рассчитать количество конфет с запасом и кому-то не достанется сладость.

Эти дети не умеют врать, у них на лице написаны все эмоции: они хотят любить и быть любимыми. Хотят веселиться и удивляться не подаркам даже, а самому факту внимания и сюрприза. Они ничего не требуют. А иногда даже и не ждут. Их желания на тех бумажках, что показала мне Варя и девчонка-активистка Соня, выпотрошили из меня душу. Особенно от старших пацанов. Термобелье. Термобелье! На Новый год! Мягкая игрушка. Шарф в стиле Гарри Поттера⁵. Термокружка. Или еще: лампа для маникюра, чтобы, как приписала для неравнодушных помощников Деда Мороза четырнадцатилетняя Катя, делать ногти подружкам в центре бесплатно и чужим – за деньги.

В мире непрекращающегося потребительства, когда на свалку отправляются мешки с надоевшей одеждой и разонравившимися покупками, повседневные траты, которые многие даже не замечают – роскошь и предел мечтаний для детдомовцев и детей из малообеспеченных семей. У меня нет иллюзий, что можно помочь всем, или моральных перекосов – ужимать себя, помня о бедности других, но сам факт, что в моей стране есть шестнадцатилетний Серега, который не может просто так получить термобелье, или Катя, которая в свои четырнадцать уже понимает необходимость зарабатывать самой, просто убивает.

А моя Лиза... О чем она мечтает? Все ли у нее хорошо? Может ли купить себе мягкую игрушку и сходить в кино с подружкой? Кого называет “папой”?

⁴ американский фильм 1997 г. от режиссера Барри Зонненфельда, основанный на одноименной серии комиксов издательства Marvel Comics. Главные герои фильма – секретные спец агенты, контролирующие пребывание инопланетных пришельцев на Земле.

⁵ главный герой серии фэнтезийных книг Джоан Роулинг.

К моменту, когда все речи произнесены, общие фото сделаны и конфеты подарены, вся ребятня с диким гулом несется в свои спальни за подарками. Пусть они их порадуют!

Девчонка-активистка что-то мне щебечет, делает селфи со мной, а я машу рукой в рукавице Варе, которая уходит из зала. Оттягиваю к груди бороду, шумно выдыхаю, а улыбка сама собой растягивает губы и поднимает их уголки в предвкушении времени только вдвоем. Неспешно поворачиваюсь на нависшую надо мной фигуру и не сразу понимаю, почему не могу оторвать от нее взгляд, всматриваясь в застарелые шрамы и стянутую хаотичными бороздами кожу на лице. Не имею привычки разглядывать увечья, тем более у женщин, но тут...

До боли, до выкручивающихся суставов, знакомые глаза. Рот. Волосы.

Твою мать.

Я будто прыгаю в прорубь с ледяной водой в крещенские морозы. У меня перехватывает дыхание. А пульс трясет меня изнутри, заходитесь в адреналиновых конвульсиях.

Не может быть... Мотаю головой из стороны в сторону. Я грохнулся в обморок от теплового удара и глючу? Еще мотаю головой, не замечая никого вокруг. Только ее.

Эти глаза... Рот... Волосы... Они слишком долго были для меня всем, что важно в этой жизни, а потом они же и убили, предав в сложный момент. Слишком сильно я хотел выскоблить предательский образ из памяти и вышвырнуть вон из сердца, но он настырно гонялся за мной во снах, мерещился в толпе – слишком долго, слишком мучительно, чтобы сейчас я мог не узнать за этими жуткими изменениями во внешности бывшую жену. После того, как меня посадили, она украла моего ребенка и испарилась, обрубив все концы.

Настя не плод моего воображения. Она реальна. Стоит рядом со мной и сначала беззвучно открывает и закрывает рот, расширяя глаза. Потом прижимает ладонь к губам. Рука тоже испещрена блеклыми выпуклыми рубцами. Она тут же одергивает руку от лица, пряча ее от моего взгляда, пятится назад. Но сама же останавливается одновременно с тем, как я дергаюсь к ней и вцепляюсь руками в ее плечи, сжимая тонкие мышцы на костях предплечий. Намеренно делаю больно. Жду, что взвизгнет, подаст голос, начнет сопротивляться. Даже не знаю, зачем мне это. Чтобы еще раз убедиться, что это она?!

Настя вся сжимается, уменьшается в размерах, замирает, часто дышит как загнанный в западню зверек, понимающий, что все пути для отступления уничтожены.

Врезаюсь ненавистным взглядом в когда-то любимое лицо. Выжимаю пальцами из нее хоть какой-то скулеж. Но она упрямо молчит, до крови кусая нижнюю губу и морщина и без того истерзанный рытвинами шрамов лоб.

Внутренний зверь сжирает меня изнутри, требует вырваться на свободу и победно зарычать. Во всю глотку. Только вот вместе с ним на волю прошмыгнут, сквозь все мои внутренние заслоны, и другие чувства, которые я так долго отрицал, убеждая себя, что они самоуничтожились моим волевым решением.

Я любил ее. Безднадежно, отчаянно, всецело. И сейчас я вижу не только ее шрамы. А ее саму. Прежнюю Настю. Ту девушку, с которой мы наперегонки бежали в ЗАГС, шлепая грязными башмаками по осенним лужам. Мать моего ребенка. Жену, сон которой всячески оберегал, пока наша малышка закатывалась плачем ночами, а я кружил с ней на руках по небольшому залу, закрыв дверь в спальню. Всего через несколько часов мне уже надо было вставать и идти зарабатывать бабки, чтобы моя семья ни в чем не нуждалась. Помнит ли она все это?! И вместе с тем я вижу женщину, которая наплевала на все это и одних махом перечеркнула все, что между нами было.

Настя поднимает на меня взгляд. По ее щекам сползают две одинокие слезинки. От страха, что попалась? Жалости, что так паршиво закончила нашу семейную жизнь? Понимания, что ей придется вернуть мне дочь?

— Захар, — умоляюще шепчет израненными губами.

Борюсь между тем, чтобы свернуть ей шею и снять большими пальцами следы от слез. Ведь когда-то я клялся, что никогда не стану их причиной. Получается, обманул. Как и она меня. Квиты.

— Захар? — Кто-то тянет меня за плечо. Конвульсивно сбрасываю отвлекающее прикосновение. Но блеющий зов повторяется: — Захар?

Поворачиваюсь. Заноза-Соня вопросительно и даже пугливо смотрит на меня, но тут снова пререзается голос у Насти, только теперь он звучит тверже:

— Выйдем? Пожалуйста.

Я, не отвлекаясь на прицепившуюся ко мне сзади девчонку, отпускаю одну руку с плеча Насти, а второй тащу ее к выходу, бросая Соне:

— Не сейчас.

Когда мы оказываемся в коридоре, в котором беспорядочно, суетливо снуют люди, нащупываю в кармане шубы телефон, чтобы позвонить Варваре, предупредить, чтобы ждала в машине. Не хочу делать ее свидетельницей нашей встречи с Настей. От нее уже пришло сообщение: “Жду тебя в машине. Твоя одежда у заведующей, не стала забирать”. Она словно чувствует, угадывает мои мысли. Варвара... Я сейчас не в том состоянии, чтобы спокойно ей все объяснить. В шаге от срыва. И эти мои эмоции предназначены только одной женщине. Предательнице, что послушно перебирает ногами, безмолвно подчиняясь мне.

Тяну бывшую жену дальше, в глубь коридора, натываясь на раскрасневшуюся заведующую:

— Захар Владимирович, вы нас спасли! — Всплескивает руками, но я обрываю ее порыв:

— Ключи от вашего кабинета и чтобы нас не беспокоили, — протягиваю руку, и женщина, сильно краснея, кладет мне в ладонь связку ключей с нелепым брелоком зеленой лягушки.

— Оставайтесь там сколько вам нужно. Я прослежу, чтобы никто не мешал. Чай организовать?

— Нет. Куда идти?

Она показывает направление к своему кабинету, и я ускоряюсь. Все еще не верю, что спустя столько лет я в шаге от встречи с дочерью. Сквозь одежду чувствую жар от тела Насти. В голове мутная вязкая мозговая каша. Открываю дверь главы детдома и с силой проталкиваю в помещение Настю.

— Захар... — мое имя она произносит медленно, растягивая буквы. Как дела это раньше. Сука! Под кожу хочет залезть! Скриплю зубами, вдавливая ее в кресло взглядом. В кресло, в котором сидела Варвара.

— Сейчас вернусь. Не вздумай бежать. Убью нахрен. — Она молчит в ответ, выпуская из глаз еще две влажные капли, но они меня уже не трогают. Не так, как раньше. — Поняла?

— Поняла... — Ее плечи подрагивают, делая представленный передо мной образ еще ранимее. Обманчивая картинка, это я хорошо усвоил. Под шкуркой белого и пушистого напуганного зайчика прячется безжалостная хладнокровная змея.

Снимаю, наконец, скафандр из шубы Деда Мороза, накидываю свою одежду и выхожу из кабинета. Закрываю дверь на ключ, дергаю ее для достоверности, и нахожу в приложении такси для Вари, которое в минуте езды от детдома. Ей нужно срочно отсюда уехать.

Несусь на улицу. По дороге чуть не сношу уже знакомую тетку, которая разукрасила мое лицо. Она не дает пройти, трясет какой-то бутылкой передо мной и куском ваты, настойчиво тянет ко мне свои пальцы. Не понимаю, что ей от меня надо.

— Грим! Дайте смыть грим! — Доходят до моего сознания ее объяснения. Шумно выдыхаю, позволяя оттереть кожу от краски и уже спокойнее иду к выходу.

Распахиваю настежь дверь. В еще влажное лицо бьет морозный воздух. Он не остужает меня. Меня сейчас ничто не может уgomонить. Уведомление на телефоне извещает о приезде заказанного такси. Как вовремя.

Моя малышка сидит в телефоне, что-то подпевая себе под нос. Испорчу ей сейчас настроение. Открываю дверь в машину, надеюсь не испугать кабаргу своим видом и максимально спокойно, насколько это возможно в моем состоянии, хриплю:

— Варвара. Мне нужно уехать. Я вызвал тебе такси. — Малышка удивленно смотрит, хочет что-то спросить, возразить, но я продолжаю, устраиваясь на сиденье, пытаюсь ее успокоить: — Оно уже подъехало. Охрана проводит до двери. Напиши, как зайдешь в квартиру. Возможно, буду поздно. Не жди меня, ложись.

— А как же елка? Я дождусь. Не переживай, — она тянется рукой к моему шраму на щеке, и я вздрагиваю от нежности ее прикосновения. Всего на мгновение позволяю себе прикрыть глаза и почувствовать тепло этой невероятной девушки, которой нахрен не нужна разыгрывающаяся в моей жизни драма. — Я все понимаю. Знаю, с каким занятым мужчиной связалась. Я буду тебя ждать. Дома.

Я буду тебя ждать. Дома.

Сейчас эти слова сжимают меня изнутри. Я запал на кабаргу с первого взгляда. Увидел в клубе, как она крутит своим бампером и сначала просто хотел переспать, заинтригованный ее бойцовскими качествами и скоростью исчезновения. Но потом это “переспать” крайне опасно и быстро перевернулось в “хочу засыпать и просыпаться с тобой, хочу снова любить и быть любимым”. Она хлещет меня своим доверием и широко распахнутыми глазами цвета грозового неба. Я не могу и не хочу ей врать, даже если эта правда причинит ей боль.

— Варвара. — С трудом выговариваю ее имя, подбирая дальнейшие слова: — Я нашел Настю...

— Какую Настю? — вырывается у Вари стоном. Но она уже все поняла. Я это вижу по изменившемуся, дрогнувшему выражению лица.

— Жену. Бывшую. — Эхо признания повисает над нами, сгущается плотной, непробиваемой стеной невысказанных слов. — Я должен с ней поговорить. И найти дочь. Лизу.

Глава 2.

Захар.

Я подхожу к двери, за которой сидит запертая Настя. На окнах установлены металлические решетки, значит, не сбежит. Ключи плотно зажаты в кулаке, врезаются острыми краями в ладонь, но я сознательно давлю сильнее. Это мой способ не развалиться, собрать себя в кучу и забрать свое по праву. Дочь. Нашу украденную с ней жизнь.

Подпираю рукой разделяющее нас деревянное полотно и не сдерживаю атаку вопросов-истребителей:

Где моя дочь? С ней все в порядке? Какая она? Помнит ли меня? Конечно, нет, себе-то уж можно не врать. Что она знает обо мне? Папка-космонавт и все это время был на орбите? Или бросил ее, как алкашня подзаборная? Что Настя рассказала ей про меня? А, может, у нее давно другой батя, которого она считает родным?

Ключи от кабинета дерут кожу все сильнее. Челюсть аж сводит. Пульс строчит пулеметной очередью. Орда мыслей-истребителей и не думает сбавлять обороты. Пикирует и пикирует в меня, подрывая на минах фантазии.

Где они были все это время? Как удалось столько времени скрываться? Зачем вернулись? Что случилось с Настей? Почему ее лицо выглядит как после страшной катастрофы? Что они пережили? Моя дочь жива?

На последнем предположении главный вопрос, который не давал мне покоя все эти годы “Почему она так поступила со мной?! Я ж ее так любил. Боготворил.” уступает место неконтролируемому страху.

Сердце, сука, корчится от боли. Закрываю глаза, но даже за опущенными веками в них вспыхивают яркие пятна от внутренних взрывов.

Дверной замок заедает, и я чуть ли не с корнем вырываю его, пока долблюсь в закрытую дверь. Наваливаюсь плечом на нее, вкручивая никчемный ключ в замочную скважину. Трясу полотно за ручку. Снесу с петель, если сейчас не откроется! Замок нехотя поддается моему напору и впускает меня внутрь. Настя недвижимо сидит в кресле и смотрит в точку, не моргая, как застывшая бетонная статуя. Захлопываю дверь, проворачиваю рычаг замка в несколько оборотов и бросаю ключи на стол. Они скользят по его поверхности и падают на пол.

— Где Лиза?

Молчание. Подхожу к жене. Заставляю встать. Снова стискиваю ее плечи, встряхивая исхудавшее тельце.

— Где. Моя. Дочь. — Ужас от ее молчания ломит кости, как при гриппе, нокаутирует хладнокровие и с руки кормит голодного внутреннего зверя. Рываю так, что все пространство вокруг дребезжит: — Отвечай! Она жива?!

— Жива.

Не понимаю: мне мерещится или и вправду слышу этот писк из ее открывающегося рта. В округлившись глазах с накренившимися из них слезами вижу свое перекошенное отражение. Но это не важно.

— Повтори. Громче. Или я свихнусь.

— Жива! — Надрывно кричит, а я облегчением хватаю воздух ртом.

Отступаю от нее, роняя руки. Настя пошатывается без моей поддержки-захвата. Я и сама шатаюсь. Координация тела дает сбой. Иду к столу заведующей, но не за ключами. А за бутылкой алкоголя, которая еще пару часов назад казалась неуместной в государственном учреждении. Но сейчас мне нужен допинг, хоть я и презираю попойки. Нахожу наполовину полную

бутылку коньяка. Достая первую попавшуюся чайную пару и прыскаю в нее жидкость. Полощу ею рот, кривясь от забытого вкуса, и сплевываю на пол.

— Налей. Мне. Я тоже буду.

Странная просьба от бывшей жены. Она никогда не пила алкоголь. Даже до беременности, когда все вокруг бухали как сволочи.

Не поворачиваясь, наливаю с горкой и подношу ей кружку с лепестками цветов вместе с блюдцем, залитым алкоголем. Она тянет ко мне руку без шрамов. Пальцы заметно трясутся. Как аристократка голубых кровей берет чашку за ручку большим и указательным пальцами, оставляя блюдце мне. Опускаю его, забив на разливающийся алкоголь. Настя пригубляет коньяк. От крепости напитка ее лицо искажается, делая его еще неузнаваемое. Она шумно выдыхает ртом воздух, как заядлый алкоголик перед очередной дозой, и опрокидывает в себя все содержимое кружки одним большим глотком. Зажмуривается, вытирая рот тыльной стороной изуродованной ладони. Дышит ртом, усиленно выталкивая из него остатки горючей смеси. Пить она так и не научилась за годы без меня. Ее глаза слезятся, но взгляд становится тверже. Вся ее поза становится тверже, плотнее. Настя вскидывает взгляд на меня:

— Лиза здесь. — Слегка кивает в подтверждение своих слов. — Наша дочь... — Тут она осекается, как будто небольшой дозы спиртного достаточно, чтобы язык начал заплетаться. — Она невероятная. Хорошая. Нежная. Такая красивая. И ты с ней уже знаком.

Дыхание учащается, преследуемое бесперебойной пульсацией крови в венах.

— Что ты несешь? Где она? — Отказываюсь верить лгунье. — Я не мог не узнать свою дочь. Где Лиза?

— Ее зовут Соня.

— Кого?

— Твою дочь. Ее. Зовут. Соня. — Видимо, мое лицо отражает полное недоумение, потому что Настя закатывает глаза и вбирает в легкие воздух так, что щеки раздуваются, и выпускает его шумной струей. — Лиза – это Соня. Та девушка, волонтер. Вы познакомились в торговом центре. — До меня начинает доходить. Сглатываю комок в горле. — Захар, я изменила ей имя, чтобы нас не смогли найти. И я теперь Анна, — она протягивает мне ладонь. Я не беру ее. Медленно анализирую сказанное и понимаю, как ей удалось стать невидимкой в этом оцифрованном мире. Оставшейся без рукопожатия ладонью она хлопает меня по плечу. — Приятно познакомиться, — и протягивает кружку со смущенной улыбкой. — Повторим?

— Я хочу видеть свою дочь. Она знает обо мне? Что ты ей сказала, Анна?

— Что ее папа спецгент. — Теперь глаза закатываю я, потому что идиотские шутки сейчас не к месту. — Это правда. Она думает, что ее папа спецгент, — повторяет Анна-Настя, — и он вынужден был от нас держаться на расстоянии. Для нашей безопасности.

Настя всегда была не от мира сего. Светлой, улыбчивой, доброй и доверчивой фантазеркой. Но сейчас передо мной явно обезумевшая женщина, которую жизнь, как я вижу, не пощадила, и она упорно продолжает жить в своих придуманных мирах.

— Ну, да, — ухмыляюсь, — спецгент звучит лучше, чем уголовник. Соня. — Это обычное имя вдруг становится таким красивым, особенным. Самым лучшим. — Соня, ее зовут Соня. — Перед глазами тут же появляются кадры нашей случайной встречи. — Она была рядом. А я не узнал ее. Мой совсем взрослый ребенок, — широкими шагами подхожу к двери и открываю замок. — Я хочу видеть ее. Остальное потом. Настя, Анна, или как там ты себя называешь, только попробуй скрыться. Из-под земли достану.

Настя подбегает ко мне, удерживая за рукав:

— Она не знает твоего имени и как ты выглядишь. И еще она думает...

— Главное, теперь знаю я, — убираю с себя Настину руку, и это прикосновение к ее голой коже пронзает меня насквозь, окончательно убеждая в реальности происходящего. Я хоть и не прекращал поиски, но уже отчаялся найти их.

— Постой, ты напугаешь ее! Я сама. Не здесь же! Давай куда-нибудь отъедем, в более спокойное место. Она думает, что ты... — Ее зрачки расширяются, суетятся, а я кривлюсь на этот бегающий взгляд, догадываясь, что спецгент вряд ли жив.

— Я хоть пал смертью храбрых? — горько усмехаюсь, но все еще надеюсь, что не прав. Ведь если прав, значит, Настя не планировала мое появление в жизни Лизы.

Глаза в пол. Нервно закусывает губу, на которой уже живого места не осталось от ее зубов.

— Самых храбрых.

Глава 3.

Захар.

Смотрю на дочь и не могу насмотреться. Здоровенная детина Шишкин оторопело застывает и не знает, что сказать, когда мы оказываемся втроем: я, Лиза и ее мать. Язык намертво липнет к небу. Желваки на щеках напряжены до предела. Лиза. В груди щемит так, что дышать больно. Задыхаюсь.

Моя Лиза. Здесь. Рядом со мной. Надрыв саднит по всему телу. Ломает. Растягивает до судорог. Моя дочь выросла без отца. Руки сами тянутся к ней, но не даю им волю, чтобы ее не напугать. Держу при себе. Присасываюсь взглядом, рыскаю по ней как голодная ищейка, обнюхивая каждый миллиметр кожи. В детстве она пахла печеньем. А сейчас?!

Сдерживаю себя, чтобы не сжать малышку в объятиях, не вдохнуть до упора легких ее запах. Ком в горле жжет и жрет его. Какая она... Красивая. Самая лучшая. Моя.

— Так вы знакомы? С моей мамой? Надо же, бывает ведь такое, — ее голос мурашками проходится по слуху, впечатываясь в память.

Лиза озадаченно переводит взгляд с меня на мать и обратно. Хочет подробностей. Не решается спросить. Я говорю с ней глазами, накрывая ее своей любовью. Я твой папка. Слышишь? Папка. Знаешь, я так мечтал о тебе, ждал. Я бы никогда тебя не бросил. Никогда! Прости, что не был рядом. Но мы наверстаем все! Слышишь? Теперь всегда буду рядом.

— Знакомы, — за меня отвечает Настя, ласково глядя дочь по щеке, а та ластится к ее ладони, как котенок. Дыхание передергивает судорогой. Сужаю веками глаза, которые непозволительно размазывают вид дочери. — Он подбросит нас до дома. И даже согласился выпить с нами чай.

— Здорово! А Варвара где? — спрашивает Лиза, а ответа ждут две пары глаз.

— Домой. Уехала. — Сухой язык елозит во рту как после пьянки, с трудом выполняя анатомическую функцию.

Настя понимающе вздыхает, даже будто сочувственно. А Лиза не замечает нашего напряжения, пожимает плечами и беззаботно болтает:

— Жаль. Ох, Захар, я лучше Деда Мороза не встречала! Это было потрясно! Правда. Я не лгую, — поворачивается к Насте. — Скажи же, мама. Это было так волшебное. Я даже желание загадала. Несбыточное, но вдруг, кто знает, сбудется.

— И я загадал, — вспоминаю. — Мое сбылось.

— Ну, так, наверное, что-то сильно простое, мелкое. А я самое сокровенное. — Она роняет быстрый взгляд на мать.

— И я. Сокровенное. — хриплю: — Самое.

— И уже сбылось? — Недоверчиво хмурит брови. Молча киваю в ответ.

Сбылось. Ты. Рядом.

— Может, и мое сбудется? Как думаете? — Ее личико становится серьезнее, хоть она и улыбается.

Сбуду любое твоё желание. Добуду все, что захочешь.

Опять этот комок в глотке.

— Сбудется, — на полном серьезе обещаю. — Говорят, если шепнуть его на ухо Деду Морозу, обязательно сбудется.

— Можно? Шепнуть? — Подходит ближе. Не перестает улыбаться. Думает, шучу. А я не шучу.

— Тебе можно все, Соня, — оговариваюсь, но дочь делает вид, что не замечает.

Настя отворачивается, быстро протирая пальцами щеки, а Лиза встает на цыпочки, тянется к моему уху, держась легонько за мою руку. Наклоняюсь к ней, и она шепчет:

— Хочу, чтобы мой папа был живой. И нашел меня.

Она отходит, а я сжимаю губы до боли, сдерживая гортанный крик. Моргаю часто, вплекаясь взглядом в жену, бывшую. Она плачет, размазывая слезы по щекам. Умоляет глазами, беззвучно шевелит губами:

“Прости...”

Отрицательно качаю головой, без слов признавая:

“Никогда.”

— Теперь можно ехать! Я за одеждой. Она за углом, на лавке оставила. Мам, подождешь здесь или со мной?

— Подожду. Здесь. Иди.

Когда Лиза уходит, а вместе с ней и сухое удушье, засовываю руки в карманы брюк и после большой натужной паузы между нами спрашиваю, будто имею на это право:

— Что с лицом? — рассчитываю на ответ, чувствуя, что обязан это узнать, но Настя неуклюже уходит от него:

— Раньше была красивой, а теперь вот... — Касается пальцами шрамов на лице. Ее губы дрожат, как и пальцы. — Как ты вообще узнал меня? Я так изменилась...

— Не изменилась. Ты все такая же.

— Врешь, — печально ухмыляется. — А что с твоим лицом?

Она тянется к моему шраму у глаза, но я ее останавливаю, выкидывая перед собой ладонь и тут же дергаю ее вниз, чтобы избежать любого телесного взаимодействия:

— Не. Надо. — Предупреждаю не трогать меня, по слогам. Всего штырит и выворачивает наизнанку. Креплюсь сохранить спокойствие. Оно нужно нам обоим. Мне, в первую очередь. — В тюрьме было весело. — Ее глаза расширяются, вспыхивая ужасом, но ее псевдо беспокойство мне не нужно. — Я хочу знать все. Почему ты украла мою дочь и похоронила меня?

— Дочь?..

Мы с Настей одновременно замечаем остолбеневшую Лизу с округлившимися глазами. Она все слышала. Куртки из рук девушки бесформенной кучей сползают к ее ногам. Лиза этого не замечает, переступает через них и шагает к нам. Повисает тенью на побледневшей матери, не решаясь встретиться взглядом со мной.

— Мам? — Та молчит. — Мам! — повторяет Лиза. Ответа нет, и тогда ее зов становится требовательнее: — Ма-ма!

Ноги Насти подкашиваются, она начинает конвульсивно открывать рот, цепляясь им за воздух, оттягивает кофту с шеи.

— Мама, тебе плохо?

— Хорошо, доченька, все хорошо. — Настя все еще тянет кофту вниз. Судорожно хватаясь за дочь. — Дома. Я все расскажу дома.

Ловлю быстрый и испуганный взгляд Лизы. Она трясется вся, вот-вот впадет в истерику. Не успеваю отвлечь обеих, как дочь протыкает мыльный пузырь созданной для них Настей реальности вопросом-скальпелем:

— Он мой папа, да?

Взрыв пузыря. Ошметки вранья разлетаются в стороны. Оседают липкой рваниной. Ее не склеить, не стянуть придуманной заплаткой. Настя комкает мою кожу взглядом, пытается выдавить из меня хоть что-то, чтобы помочь ей объясниться. Но я тот еще сукин сын, не поддаюсь на ее уговоры и вынуждаю покончить с ложью:

— Говори. Она должна знать.

Тяжелый вздох не вызывает сочувствия. Только раздражение и горечь.

— Соня... доченька... Послушай... Я все расскажу... — Прерывистость ее слов выдает отчаяние, безысходность. Вранье — это плесень, которая, как ни старайся ее затирать и прятать, рано или поздно выступит неприглядной серой массой. — Твой папа... не погиб. — Всхлипывает. Но я не дрогну, не поддамся этому спектаклю, разыгранному для Лизы. — Вот он, перед тобой. Я не могла сказать тебе правду раньше. Я все объясню. Дома.

— Он бросил тебя? — тонкий голосок дочери и ее предположение душат, кромсают, растаптывают. Она больше не смотрит на меня, словно меня здесь нет. Но я здесь и не готов растягивать пытку признаний и дальше.

— Отвечай, — рявкаю на Настю, а подпрыгивают обе.

— Нет. Это я... Все я...

— Но ты говорила... — еле слышно хныкает Лиза.

— Я попал за решетку. За непреднамеренное убийство человека, — говорю как есть, плодить ложь и недосказанность не собираюсь, какой бы горькой ни была правда. — Твоя мать развелась со мной, сбежала, прихватив тебя. И не давала о вас знать.

— Почему? — Смотрит в пол, не на меня. — Ты желал нам зла? Был жесток? Опасен? Затянувшееся молчание Насти становится невыносимым.

— Да я любил вас больше жизни!

От моего ора Настя морщится, но приходит в себя и с шумным выдохом начинает говорить:

— Он любил нас. Тебя, — тянется рукой к дочери, но Лиза делает шаг назад. Еще один. Вижу, как ей плохо. Она вот-вот рванет от нас подальше.

— И сейчас люблю. — Наступаю на дочь медленно, чтобы не спугнуть, пока ее заторможенная мать приходит в себя. — Не убегай. Мы, Шишкины, сильные. Мы с этим справимся, Лиза, то есть, Соня. — Судя по растерянному выражению лица дочки, она понятия не имела, как ее зовут на самом деле. — Я так долго тебя искал. И нашел. Прошу, не беги. — Малышка горестно всхлипывает, но перестает пятиться. — Иди ко мне. — Не даю ей опомниться и притягиваю к себе, глажу по волосам, шепчу в них, приговаривая: — Я нашел тебя. Нашел. Нашел.

Она не обнимает меня в ответ. Но и не вырывается. Захлебывается слезами, сотрясаясь всем телом. А я не в силах от нее оторваться. И будь я проклят, если кто-то отнимет ее у меня.

Мы едем к Насте домой. Адрес незнакомый. Мать и дочь сидят на заднем ряду сидений. Тишина в салоне ковыряет нервы, сводит зубы до боли. Включаю музыку, чтобы приглушить молчание. Гоняю в голове стремительный поток мыслей. Как я не додумался, что они могли изменить имена? И, самое главное, зачем? Появился новый мужик и поэтому избегала контактов с бывшим? Я никогда не был плюшевым зайчиком, но и извергом, врагом своему ребенку тоже. Отсидел бы и в любом случае настаивал на встречах с Лизой, совместном воспитании — да, но неужели она боялась, что отберу у нее ребенка? Хотя... Мог бы? Нет. Даже злясь на нее, ненавидя, не смог бы.

Что-то здесь не бьется. И сдается мне, связано это с изуродованным лицом Насти. Ее похитили? Пытали? Кто? Только один человек приходит на ум. Петров. Нет, даже для него это слишком. Тогда кто? Кровь наливается кипятком и шпарит изнутри. Кому она могла помешать? А если не она была целью, а я через нее? Совпадение ли, что на меня покушались в тюрьме, оставив на память шрам у правого глаза, не осилив дотянуться до шеи?

Поглядываю в зеркало заднего вида: сидят обе, притихли. Настя вся стянута-перетянута нервами, невидящим взглядом смотрит в одну точку, а Лиза, она здесь и словно не здесь, липнет щекой к окну, чиркая пальцами по запотевшему стеклу.

У музыки не получается сделать обстановку мягче или легче. Мы как три оголенных, но переплетенных между собой нити одного ДНК нашей семьи, и развод, годы вдали друг от друга не могут это отменить. Лиза моя кровь и плоть. Мы навсегда связаны ею с Настей, хотим мы этого или нет. Несмотря на ее бесчеловечный поступок, она была и будет для меня особенной

женщиной, матерью моего ребенка. И я даже рад, что наш разговор поставлен на паузу, чтобы я смог обуздать свои темпераментные нейроны и остаться мужиком, а не трясущейся от истерики бабой. Я со всем разберусь. Все решу. Без вариантов — сжал зубы и попер вперед, к светлому будущему.

Мы останавливаемся в одном из спальных районов Екатеринбурга у мрачной пятиэтажки с плешивым уличным освещением. Зачем-то наклоняюсь и сквозь лобовое стекло смотрю вверх на полотно окон со светом в хаотичном порядке. Минут тридцать-сорок до моей квартиры. Моя дочь была так рядом. Так, стоп, Лиза говорила, что они недавно переехали. И снова это “почему” врезается тупой болью в виски. Пора приступить ко всем “потому что”.

Мы поднимаемся на первый этаж гуськом. Первой идет Лиза. Я все никак в голове не могу называть ее Соня, хоть и узнал ее именно под этим именем. За ней тяжело шагает Настя, она же Анна. Замыкаю молчаливую семейную процессию я. Железная дверь кричит о том, что ее давно пора сменить, а врезанный замок вполне мог бы стать экспонатом в музее. В старенькой однушке на первом этаже замечаю обшарпанный линолеум на полу, уставшую простую мебель, цветастые обои на стенах.

— Можешь не разуваться, — явно со стыдом за бедную обстановку разрешает Настя, снимая куртку и вешая на крючок прихожей.

Не отвечая, снимаю ботинки, ставлю ровной парой у стены. Поправляю обувь так, чтобы носок к носку, пятка к пятке, детдомовская привычка к порядку. Начинаю снимать куртку и резко оборачиваюсь, потому что Настя услужливо пытается забрать ее у меня, скользнув пальцами по шее. Помнит ли она, что всегда так помогала мне раздеваться, когда я прибежал домой? Как ласкала пальцами шею, зарывалась ими в волосы на затылке? И что было дальше.

Опоясывающий лишай воспоминаний жжет, свербит тело, узнавшее тепло ее кожи. Но разум, который лишь на мгновение дает слабину, все же проявляет волю и требует срочного лечения, пока зараза памяти и былых чувств не расползлась дальше. Этот лишай – досадная, ненужная мне, слабо поддающаяся контролю болезнь.

— Не на-до... — выдергиваю свою куртку, отправляя ее на крючок и не заканчивая фразу-предупреждение, но она, уверен, читается по буквам из-за моей реакции.

В голове прохладным туманом всплывает образ Вари. Я не предаю ее доверие ради той, кто когда-то предал меня. Кабарга этого не заслуживает. МЫ этого не заслуживаем. А я и не предаю. И как бы ни закончился сегодняшний разговор, знаю, что не потащу эту тяжесть к Варваре, заставляя ее проживать со мной все это. Мне просто нужно переварить, перемолоть все это в одиночестве. Не хочу отягощать этим Варю, давить и пугать своим прошлым. Васнецова — мое настоящее. И я не испорчу его ненужными переживаниями.

Быстро набираю сообщение, чтобы Варя не ждала меня. Я расскажу ей обо всем позже. Сначала угомоню собственные эмоции и разберусь, как сделать так, чтобы моя дочь стала частью моей жизни, приняла и простила непутевого отца, которого она совсем не знает. Но он сделает все, чтобы это исправить.

Глава 4.

Захар.

Настоящее время, 31 декабря.

Поселок Аршан, республика Бурятия.

Я и не знал, что могу обладать таким терпением. Сажу в кресле и смотрю на спящую кабаргу, приручая желание встряхнуть стерву как следует, вытрясти из нее всю дурь, надавав по ее великолепной заднице.

Если я не верил в судьбу, то что это, как не знак свыше? Варвара уметелила от меня напрямик в заснеженную Сибирь, куда мы должны были приехать вместе на праздники. Моя турбаза в Бурятии и есть тот сюрприз, о котором я ей намекал. Здесь мы должны были встретить Новый год с моими друзьями. И встретим. Теперь она точно от меня никуда не денется.

Ух и вытрепала же она мне нервы своими вандальными чудачествами и стремительным побегом вместе с котом! Вместо сцен с криками и претензиями дерзкий стоматолог выкрала мое спокойствие и хладнокровие, оставила в нашем доме разбитый уют и тишину вместо своего голоса. Разгромила кухню, елочные игрушки, которые вместе же и купили на нашу первую елку. Вынесла стекло в камине. И даже пометила ванну экскрементами Пушка.

Дурная. Бешеная. Чокнутая. И умная. Чертовски умная. Сообразила ведь не только сменить симкарту, но и оставить телефон у подруги. А банковскую карту так вообще БОМЖу отдала с напутствиями спустить все до копейки. Улыбка сама собой натягивается на лице. Выражаясь языком ее подруги Дарьи, Варвара мстит и мстя ее страшна!

Сейчас смотрю на эту пьяную соню и давлюсь смехом, но тогда... когда не нашел ее дома и понял, что остался один, рвал и метал. Хотел прибить всех своих, что не смогли ее отследить. Подругу ее, партизанку, которую с потрохами сдал выбежавший ко мне Пушок. И в первую очередь – себя, что решил какого-то черта, что эта девчонка, ненавидящая измены и явно не доверяющая мужикам, еще и в начале отношений, будет сидеть и покорно ждать меня, пока я не ночью дома.

Как мне сказала Даша, “А ты представь, что то же самое написала тебе Варвара и провела ночь непонятно где и непонятно с кем, да еще и преспокойно завтракала-обедала с другим мужиком, не выходя с тобой на связь!”

Я — олень. И, похоже, это не лечится. Если бы я оказался на месте Вари... убил бы нахрен всех. Да я Глеба готов был на лоскутки порвать и увешать ими все подворотни, когда еще не был с ней. И от одних мыслей, что она была с ним, кровь в жилах кипит, шпарит по нервам, оставляя ожоги четвертой степени. И мне остается только одно: научиться с ними жить.

Дашу уговорил поехать отмечать с нами Новый год, и, главное, день рождения Варвары. Заселил ее с дочкой в свой хозяйский домик, вместе с Лизой и Настей. Лизой я называю дочь только про себя, потому как она категорически против своего родного имени. Понимаю ее. Скажи мне, что я Жора Пупкин, а не Захар Шишкин, я бы тоже вряд ли обрадовался. Но для меня она все та же круглощекая Лизонька Шишкина, пускающая слюни пузырями на грудь бати, а не взрослая девушка с тем еще характером. До сих пор в шоке, что она согласилась уехать вместе со мной в горы. Но это не моя заслуга. Мне помогла Настя. И Варвара, сама того не зная.

Сначала Лиза согласилась подумать о поездке только ради Вари, чтобы лично подтвердить, что у нас с ней ничего не было, что она правда, каким бы невероятным это ни казалось, моя дочь. Моя безумно добрая и милосердная дочь. И как бы она ни злилась на мать за вранье длиною в жизнь, она категорически отказалась оставлять ее одну на праздники, хоть та и отнекивалась и помогала уговаривать дочь поехать одной. Я видел, что для Лизы это важно и

меньше всего хотел стать тем, кто вобьет клин между ними. Нам всем предстоит восстановить наши отношения. Поэтому я согласился на условия дочери, как и Настя, которая избегает даже встретиться со мной взглядом.

В который раз подхожу ближе к Варе, с маниакальной зависимостью рассматривая ее лицо со спутанными волосами, прислушиваясь к дыханию и невнятному бормотанию. Судя по тому, что мне рассказала Саша, в каком состоянии под утро заявился ее муж, я не завидую голове Варвары. Так и подмывает принести ей трехлитровую банку рассола, позлить ее в отместку за побег. То, что она проснется не в духе и при виде меня в нее вселится Харли Квинн⁶ с битой в руке, я даже не сомневаюсь. И стоит держать от нее подальше свои зубы: она сначала лупит, потом разбирается. Если повезет — клеит выбитое.

Пока эта доморощенная боксерша спит, не могу удержаться и невесомо глажу ее тело, вдыхаю запах. Как она пахнет! Соскучился до ужаса. Варя будто чувствует меня и даже во сне начинает гримасничать. Какая же она сексуальная и милая одновременно! Сгрэб бы ее, маленькую вредину, в охапку и целовал, пока не перестанет сопротивляться. А когда перестанет — еще сильнее, жарче. Съел бы всю. Но у них, молодых да умных, пунктик по поводу баррикад из личных границ, поэтому готов дать ей немного времени привыкнуть, что я здесь и уходить не собираюсь. Пусть наголосится вволю. Потом поговорим. А потом зацелую.

— Охренеть, Варвара Борисовна. Похоже ты стала алкоголиком, — кабарга потягивается, бормоча себе под нос, а я едва сдерживаюсь, чтобы не расхохотаться во все горло. Самокритичный доктор у меня. — Но ничего, мы сейчас встаем. Собираем монатки. И бежим подальше, пока олень не прилетел на голубом вертолете. Мне нельзя его видеть. Ускачу как кабарга, — ворчит в подушку.

Только усмехаюсь ее разговорам с самой собой и так рад, что у меня есть возможность их подслушать. Она думает обо мне. Хоть и снова хочет сверкнуть пятками в попытке скрыться. У меня для тебя плохие новости, кабарга. Олень прилетел, на голубом вертолете, как по заказу.

— Ну, здравствуй, жопа-Новый год, — желаю доброго утра милой пьянчужке, как только она разлепляет глаза и начинает часто моргать, пытаясь сосредоточиться на мне.

— Уйди, — машет на меня рукой. — Тебя здесь нет.

Варя снова роняет голову на подушку и морщит все лицо, щурясь глазами. Куда орать, когда уровень милоты и комизма ситуации просто зашкаливает? Нет, с этой кошкой я никогда не соскучусь.

— Я тут дозвониться до тебя не смог, ты оставила телефон у подруги. — Пытаюсь говорить серьезным тоном, даже слегка угрожающим, но улыбка так и прет наружу, выдавая мои истинные эмоции. Вся моя злость и раздражение на нее временно испаряются. Но выпороть ее по-прежнему хочу. Безумно хочу. Всю ее. — Пришлось брать вертолет и везти тебе его.

Кладу телефон Вари на тумбочку у кровати. Иду за водой для кабарги. Нехотя гашу внутри себя шутку про огуречный рассол и рюмку горячего от похмелья. А после того, как убеждаюсь, что она еще туго соображает, отправляю ее в душ, в очередной раз тренируя мышцу терпения, чтобы не забраться к ней в душевую кабину. В голове с максимальной точностью прокручиваются воспоминания, как хорошо нам вместе “мыться”. И, черт возьми, мышца терпения еще слишком слаба и не выдерживает такую “нагрузку” мыслительных образов голожопенькой Вари. Я даю слабину.

Врываюсь к ней и на доли секунды застываю у запотевшего стекла душевой. Нервно слаптываю слюну и ею же давлюсь. Нетерпение и дикое, голодное желание обладать ею колошматят не по-детски. Как в замедленном режиме открываю дверцу душевой кабины и в облаке горячего пара липну взглядом к ее восхитительному телу. Оно действуют на меня гипнотиче-

⁶ суперзлодейка, первоначально появившаяся в мультсериале “Бэтмен” 1992 года, а позже ставшая антигероиней вселенной DC Comics.

ски. Вижу ее — хочу ее. И даже когда не вижу. Только подумаю о ее ногах на моих плечах, о податливой коже под жадными пальцами, о маленьких розовых сосках на миниатюрной груди, заднице, которой позавидуют и бразильянки — и все: боксеры трещат, а в паху взрываются петарды.

И вот она тут, передо мной. Распаренная. Горячая. Охренительно сексуальная. На коже нет и следа от пены. Она зачем-то закрывает от моего взгляда грудь руками. Глупенькая моя девочка, чего я там не видел? И что не пробовал на вкус?

До безумия хочу ее. Прямо сейчас. Отлюбить так, чтобы молила о пощаде, одновременно требуя не останавливаться. Чтобы сидеть на заднице не могла. Да и ходить тоже. До саднящей кожи и растянутых мышц. До взрывающейся от наслаждения самой чувствительной точки, ставшей сверх отзывчивой настолько, что самое легкое касание — и взрыв. До сырого матраса под нами.

Стою, во всех смыслах слова, а самого трясет всего, как пацана перед первым разом. С ней каждый раз, как в первый и последний. На пике эмоций. На грани между реальностью и помешательством.

Но вместе с животной потребностью *быть в ней*, есть еще одна, не менее сильная, *быть с ней*. Она с каким-то садистским надрывом бьет под дых, скручивает вены, сдерживая мою ненасытную плотскую часть. И пока тот, что в штанах, окончательно не захватил надо мной контроль, хватаю полотенце и прячу мокрую выдергу под ним. Ташу спрятать под одеяло, подальше от моих глаз, рук и натянутой тетивы в трусах, которая вот-вот выстрелит, ища заветную цель.

— Я не собираюсь с тобой спать, Шишкин, как бы ты в этом ни был хорош, — пищит Варя, нисколько не облегчая мне задачу по сдерживанию похоти.

Я сильнее прижимаю ее тело к своему. Такое невесомое, теплое, мокрое, мое. Варвара со всей ее спесью и недоверием, хладнокровием, когда она в медицинском халате, и взрывным характером вне стоматологического кабинета, принадлежит мне. И это знание до умопомрачения наполняет каждую клетку моего беспокойного тела и дрогнувшей перед этой чертовкой души.

Я бы сказал ей то, что думаю: я и не дам ей спать, пока не натрахаюсь, восполнив все украденные у нас дни и ночи. Но вместо этого не тороплюсь с ответом, обезвреживаю кабаргу одеялом, всматриваясь в ее глаза. Испуганные, недоверчивые, ушатывающие мою выдержку и нервную систему. Убираю с ее лба влажные пряди, стараясь не смотреть на приоткрытые губы, и признаюсь в важном, без чего нам не пройти дальше:

— Глупенькая кабарга. Я не буду с тобой спать, пока не поговорим. В ресторане ты видела меня с Соней. Это моя дочь. Я не мог ее отыскать, потому что жена сменила имя и себе, и моему ребенку.

— Поздравляю, — язвит и поджигает губы, а я так и вижу, как в ее беспокойном мозгу крутятся-вертятся шестеренки, разгоняясь в самых непредсказуемых вариациях.

— Спасибо. Еще воды? Минералки? Мне нужно, чтобы твоя хорошенькая умная голова, — слегка постукиваю пальцем по ее лбу, — перестала придумывать херню и вспомнила о способности думать, анализировать, опираясь на факты, а не на больную фантазию.

— Чай. С медом. И телепортировать мне подругу, чтобы вырвать ее предательский язык.

— Ох, и кровожадная ты, Васнецова! Если ты станешь вменяемой и готовой к серьезному разговору, организую и чай, и мед, — не даю победной улыбке прорваться и добавляю обещание, которое уже выполнил, но пока Варя об этом знать не обязательно: — и даже подругу.

— Даже ты, Шишкин, не всеильный. Обойдемся чаем в тишине. Оставишь меня одну?

Она даже не представляет насколько я могу быть всеильным, по крайней мере, в том, что можно купить, предлагая то, от чего сложно отказаться.

— Чтобы ты опять свинтила? Ну уж нет, кабарга. За тобой глаз да глаз нужен! И по периметру базы расставлена не одна их пара.

— Не называй меня так. Я больше не твоя кабарга. Вернемся к Варваре Борисовне и Захару Владимировичу, вне зависимости от Сонь, Лиз и других женских имен.

— Кто-то становится сильно разговорчивым? Варвара Борисовна, ты моя кабарга. Моя. — Встаю с кровати, чтобы не накинуться на нее, как первобытный человек. Смотрю на нее и повторяю, чтобы запомнила, проговаривая по слогам: — Мо-я. У тебя час на чай и сборы. И подумать над своим поведением. Извинения буду принимать натурой.

У моего любимого стоматолога расширяются глаза и приоткрываются губы, не оставляя мне шансов не коснуться их. Пусть я получу по лицу, но оно того точно стоит. Обхватываю ладонью ее подбородок и щеки, заставляя рот открыться еще больше. Целую ее. Целую и целую, кусая губы, всасывая язык, как ненормальный, стучаясь с ней зубами. И мучительный, гортанный стон вырывается в воздух. То ли ее, то ли мой.

— Моя, — впечатываю в ее рот. — Моя. — И оставляю ее одну, выдавливая из мышцы терпения все, на что она способна и даже больше.

По лицу я не получаю. Многообещающее начало.

Глава 5.

Варвара.

Вожу пальцем по саднящим губам. Меня не отпускает поцелуй Захара. Он как печать, которая меня пометила невидимой, но не смываемой, запекшейся на губах краской. Пришлось еще раз принять душ, освежить голову. Когда выхожу — на столе уже ждет большой стеклянный заварник с чаем, три баночки с разными видами меда. Вот это сервис!

Губы все еще помнят поцелуй Шишкина и после увлажняющего бальзама, вместо того, чтобы успокоиться, горят еще больше. Но мне это даже нравится. Поцелуй и явление Захара поутру — не сон. После нескольких глотков чая, прошу мозг включиться в мыслительную работу.

Итак, что мы имеем.

Первое, с сегодняшнего дня я категорическая трезвенница. Поднимаю как в смачном тосте кружку с чаем и большим глотком манифестирую намерение отказаться от алкоголя.

Второе, и от этого пульс разгоняется как турбированный, Захар здесь и всем видом показывает, что хочет быть со мной. Грею ладонь о кружку, приближая нос к горячему напитку, и позволяю пару облепить лицо.

Третье, жена Глеба все никак не угомонится со своими угрозами. И это уже пахнет не только психозом на фоне беременности и измен мужа, но и реальным преследованием. А если она решит киллера нанять? А что, денег хватит. Она всегда была для меня супер сдержанным руководителем, но то, как она чудит сейчас, выходит за рамки адекватности.

Четвертое, от треугольника “Глеб-Варвара-Захар” мы докатились до еще одного “Варвара-Захар-его бывшая жена”, в квадрате, там еще дочь. Шишкин хоть и делает вид, что новые данные не имеют значения, но сердце подсказывает: врет, возможно, даже себе. Не верю, что такая сильная любовь может пройти бесследно. А кто я? Молодая симпатичная девушка, которую он отвоевал у друга и не хочет просто так терять добычу. Мы не так много времени были вместе. По сравнению с историей их семьи. И как бы глубоко Захар ни засел в моем сердце, на вторые роли я не соглашусь.

Что делать? Сейчас бы с Дашкой все обсудить. Но я все еще дуюсь на нее. Как она могла меня так подставить? Даже звонить ей не буду! А вообще-то буду! Выскажу все, что о ней думаю!

Набираю ее номер и выбираю, с какой едкой фразы начать разнос. Вот бы Пушка подговорить на расстоянии, чтобы гадил как можно чаще. В лоток, так уж и быть. Я не настолько отбитая желать другого. А вот Даша за такое легко может выкинуть на улицу моего Толстяка. Тьфу ты, даже тут Шишкин наследил! Пушка, не Толстяка.

Даша не берет трубку. Возмущенно выгибаю брови, глядя в экран, будто это телефон виноват, что мне не отвечают. Серьезно? Знает, что получит и теперь в молчанку играть решила? Звоню еще раз. Долгие гудки нервируют. Я не собираюсь терять подругу, но хорошую взбучку она точно заслужила, даже если сжалась над умоляющим Шишкиным и в благих целях сдала все явки-пароли. Надеюсь, он ей не угрожал.

— Можешь начинать орать, сейчас на громкую связь поставлю, — первую фразу мне выдает Даша, опередив меня в колкости.

Набираю в легкие побольше воздуха и уже готовлюсь к длинному выдоху с разъяренными “пи-пи-пи”, как дверь в мою обитель, ставшую проходным двором за последние сутки, открывается и... Кажется, я еще пьяна, потому что этого не может быть. Дашка. Моя Дашка. Стоит на пороге. С телефоном в вытянутой руке и говорит:

— Ну же, Варварушка Борисовна, не сдерживайтесь. Или словарно-матерный запас закончился?

— Дашка! — После секундного замешательства лечу к ней навстречу, бросая ставший ненужным телефон на кровать, и он с громким “шмяк” падает на пол. — Дашка, ты тут! Дашка! — Прижимаюсь к подруге, все еще не веря в это чудо. Я выдам ей по полной программе, но потом, сначала заобнимаю.

— Я все понимаю, мстительница, но не могла бы ты слезть с моих ботинок. Весишь, прости, дорогая, не как твой Пушок, — она отпихивает меня от себя, а я ведь даже не заметила, как босыми ногами встала на ее обувь. Смешно. Когда мы вместе, к нам автоматически притягиваются курьезные ситуации. А заканчиваются они смехом до слез. Что я сейчас и делаю. И прежде чем пригласить мою выдергу зайти, демонстративно наступаю ей на носок, и топчусь по нему, будто тушу сигарету: — На тебе, авансом! А теперь проходи и объясни, как ты здесь оказалась.

— Надеюсь, после аванса ты не начнешь выбивать мне зубы! Я тебе не Шишкин, терпеть твои боксерские замашки не стану.

Подруга не просто разбрасывает обувь, она вскидывает попеременно ноги так, чтобы ее угги разлетаются по сторонам, перед падением влипившись в стену. Игнорируя вешалку, она бросает куртку с шапкой на пол и возвращает мне объятия.

— Шишкин. — Отхожу подальше, упираясь руками в бока. Даша не торопится оправдываться, и я произношу фамилию медведя громче, возмущеннее: — Шишкин!

— Шишкин-Шишкин! — передразнивает она меня и хитро шурится. Ну как на нее можно долго злиться? Да она ради меня в разгар зимы ящик коровьего дерьма раздобыла и кота приютила! Так, стоп!

— Даш, где мой кот?!

— В надежном месте.

Сейчас эта фразочка из старого советского мультика про котенка “Гав”⁷ звучит неуместно.

— Ты. Его. Съела?

— О, господи, Васнецова, — она закатывает глаза. — Ты опять без шапки по морозу бегала и напрочь мозги застудила? Фу! — ее аж передергивает всем телом. — Это же надо такое придумать! Пушка пристроил твой Шишкин, к своей помощнице. Я лично его увезла вместе с Захаром! Вполне нормальная девушка, доверие вызывает.

— У него нет в помощницах девушек... Только тетки. Он сам так говорил.

— Приврал, — Даша пожимает плечами. — Пушка пристроила, на этот счет можешь не кортизолить.

— А как насчет самого Шишкина? Или моей подруги? Даш, ты меня сдала ему.

— Подруга, там без вариантов было, — она снова пожимает плечами и говорит так просто, будто мне этого должно быть достаточно. Скидывает розовый флисовый костюм также на пол, оставаясь в нижнем белье. И теперь глаза закатываю я. — А что? Жара тут у тебя!

— Он угрожал тебе? — тихо спрашиваю, подталкивая ее к правде, с которой она не торопится.

— А хорошо тут у тебя! У меня домик попроще да потеснее. Больше похож на общежитие.

— Угрожал?

— Купил, — выдыхает Даша, а в голосе нет ни тени сожаления. — Мы заключили выгодную сделку. Да сядь ты уже, не мельтеши, — командует, и я послушно исполняю ее приказ. — Сначала я убедилась, что он не врет. Не изменял он тебе с той малолетней красоткой, Варенька Борисовна. Мы погорячились. Но я все равно на твоей стороне и ни о чем не жалею. Иначе мне бы не фортануло, и встречали бы мы твой день рождения по-раздельности.

⁷ “Котенок по имени Гав” — цикл советских мультфильмов Льва Атаманова по одноименным сказкам Грегора Остера.

— Может он тебе наврал, как мне про помощницу...

— Нет. Он представил железные доказательства.

— Интересно, это какие? Уровень биологической жидкости замеряли?

— Варенька Борисовна, да что с тобой? Куда пропала моя саркастическая интеллектуалка? Выражаешься не по-васнецовски, а как-то топорно, как я. Пусть твой Шишкин сам все объясняет, кто там его дочь, кто жена, как их зовут. Я в этих хитросплетениях совсем запуталась! Главное, я здесь! И Васюта тоже.

— Васюта?

— Не думала же ты, что я ради подруги оставлю дочь у бабушки на Новый год? Через годик-другой я об этом подумаю, а сейчас рано. — Вопросительно смотрю на подругу, пребывая в шоке от карусели событий и перемещений моих близких по стране накануне главного праздника года. — Я ее оставила у Сашы с Гордеем, она водится с их мелкой. Одного возраста примерно. Васюта счастлива. Я тоже. А ты? Я же теперь здесь! Пошумим на всю Бурятию, сотрясем эти горы!

— То есть ты продалась за пожарть и ночлег? — возвращаю ей ее же подкол, когда она осуждала меня за решение уехать с Глебом и не рассчитывать на подарки. — Ты низко пала!

— Ты правда так думаешь? Помнишь, как мы мантры распевали под палочку Санты? Много хочу – много кончаю – много получаю!

— Помню. Но при чем тут это? Там еще было “Кто мало просит, тот ипотеку сам платит”.

— Вот именно! — ликует Даша. — Ипотека!

— Не улавливаю ход твоих мыслей, — качаю головой, уже устав от ее шарад.

— Ипотека! — Она поднимет указательный палец вверх, слежу за ее торжественным движением и все равно ничего не понимаю. — Я попросила у Шишкина, ртом, закрыть ипотеку. И только после этого согласилась сказать, где ты.

— Ртом... Попросила... Это как?.. — Не могла же моя развратная писательница Даши Клаус уговорить его ртом... Она и он...

— Ты за кого меня держишь? — она явно читает мои мысли. — Ты и вправду тут совсем одичала. И, похоже, отупела. Я по твоей версии сначала ублажила Шишкина ртом, а после того, как он оплатил ипотеку, сожрала Пушка?

— Вот и я думаю, не должна ты ему... Но ты сказала, что уговорила его ртом...

— Ртом – это вот так, — она показывает указательными пальцами обеих рук на свой рот и, улыбаясь во все зубы, воркует ангельским голоском: — Захар, информация стоит денег. Раз уж ты чист, согласна дать тебе адрес Варвары, но это будет стоить дорого. А он мне говорит, — она изображает Шишкина, рисуя воображаемый шрам на правой щеке и хмуря брови: — Любые деньги. Где моя обожаемая Варварушка? Жить без нее не могу!

— А ты? — так и вижу этих двоих во время разговора, настолько хорошо она его пародирует.

— Ипотека, — снова жест пальцем в небо, точнее, потолок.

— Обалдеть! — Поражаюсь сообразительности и отсутствию скромности у подруги. — Он закрыл твою ипотеку? — Даша довольно кивает и потирает руки, а я искренне радуюсь за нее, если это действительно так. — Ладно, я тебя прощаю! Ипотека! — Прижимаю ладонь к открывшемуся от восхищения рту. — Это высший пилотаж! Я тебя поздравляю!

Вскакиваю со стула и обнимаю полуголую богиню женской энергии и мастера по умению раскошелить не только своих мужиков, но и чужих.

— Варенька Борисовна, ты меня недооцениваешь, — она звонко целует меня в щеку и ерошит мои высушенные волосы на макушке. — Не могла же я оставить свою скромную подругу на произвол судьбы. Зайди в приложение банка и посмотри свой остаток по ипотеке.

Делаю, что она говорит и сначала не нахожу вкладку с кредитом на квартиру, а потом нахожу, но там написано... там написано... Что кредит полностью выплачен. Сумма задолженности ноль рублей - ноль копеек.

— Ты... Что... — Мой шок в шоке. И мне снова срочно нужен стул, чтобы присесть и переварить услышанное и увиденное.

— Много хочу – много кончаю – много получаю. Ты, по всей видимости, накончала так, что перепало и мне. — Даша подмигивает и хохочет. — Шишкин закрыл ипотеку и тебе, и мне. Как я и попросила. Ртом. Если все же нужно будет рассчитаться... — изображает языком бугор за щекой, — то ты уж постарайся, возвращать такие деньги я не собираюсь. И тебе не дам! Так что будешь ему давать за обе квартиры.

— Даша... — я тоже уже смеюсь. — Таких, как ты, больше нет! Тебе в мафию надо идти! Или, как минимум, в эти, кто долги выбивает...

— Коллекторы, — подсказывает моя нескромная блондинка, которая по уровню мозгов, хитрости и искусству многоходовки даст фору любому ученому. — Твой Шишкин также сказал.

Мы смеемся до слез и коликов в животе, обнимаемся и падаем на пол. Выкрикиваем наши любимые мантры и дирижируем руками в воздухе, наперебой пародируя голос Шишкина “Я все куплю! Любые деньги!”

В такие моменты всегда ловлю себя на мысли, какое же счастье, когда у тебя есть близкая подруга, с которой ты на одной волне, когда она не только поддерживает в трудные минуты, но и аплодирует успехам громче всех. И последнее — самое сложное. Жалеть и поддерживать в горе могут практически все, это базовая настройка человека – сопереживать. А искренне радоваться за близкого и гордиться им без зависти и обесценивания — это уже особая щедрость и благородство души.

Женщине жизненно необходима другая женщина, своя в доску Bestia, чтобы с ней можно было и в разведку, и в жилетку уткнуться, и отомстить бывшим. Когда ей просто пишешь “ты где?”, а она уже отвечает “куда едем?” Это про нас с Дашей. И даже от мысли, что когда-то ее в моей жизни не будет, что наши пути разойдутся, становится плохо.

— Вы еще поженитесь, помяни мое слово, — подруга с лукавой улыбкой предсказывает мое с Захаром будущее.

— Сомневаюсь. Ты первая выскочишь замуж. За любимого, богатого, успешного, — загибаю пальцы, вспоминая о требованиях Даши к своему избраннику, — с квартирами, машинами, яхтами и пароходами.

— Предлагаю поспорить, — смеется, — если первой замуж выйду я, то ты придешь на мою свадьбу... в костюме сексуального зайчика. Шишкин не устоит и утащит тебя в ЗАГС.

— А если первой я, то ты придешь в костюме... банана! — настает моя очередь смеяться.

— Пф-ф! Нашла чем испугать. Банана, так банана. Предлагаю начинать праздновать нашу встречу!

— Ой, нет. Я пас. Как представлю вкус алкоголя, так рвотный рефлекс срабатывает, — встаю с пола, опираясь о ладонь как старушка.

— А я и не про алкоголь. Скидывай свой халатик! И танцуем! Раскачаем нашу женскую энергию. — Даша бежит к телефону и включает любимые мантры, прибавляя звук, и начинает запускать бедрами и грудью такие амплитудные волны, что я невольно замираю от восхищения, а потом подстраиваюсь под ее движения. С моей легкой руки халат приземляется на спинку стула. Я остаюсь в нижнем белье, подаренном подругой, и еще больше заражаюсь от нее праздничным настроением. — Выше нос и крутим попой. Все у нас будет, Варенька, по высшему разряду! Много хочешь — много получаешь, — мурлыкает она себе под нос, и я подхватываю и это.

Мы повторяем прекрасную аффирмацию бесчисленное множество раз, кружим ягодицами так, что у меня вертолеты летают в голове и приходится закрыть глаза и сбавить темп вращений.

— Знал бы, что у вас тут такое происходит, пришел бы раньше! — чей-то голос ложится поверх музыки, и мы с Дашей одновременно поворачиваемся на него, к двери, где стоит друг Захара, Гордей, и показывает большими пальцами вверх жест “класс”.

Я прыгаю к одежде и слегка шатаюсь от головокружения, ругая свой ослабевший вестибулярный аппарат. Накидываю халат и плотнее натягиваю на грудь воротник. Даша же, напротив, нисколько не смущаясь, сначала упирается руками в бока, надменно выдерживая внимание чужого мужика к ее роскошным формам в весьма соблазнительном прозрачном белье, а затем походкой от бедра дефилирует к флисовому костюму, не торопясь его надевать. Еще и наклоняется к нему так, что даже я смущаюсь от явной провокации. Видела бы нас сейчас Саша, уверена, она бы дерзкой Дарье Олеговне подправила прическу.

— Ну и? — с видом хозяйки домика спрашивает Даша, когда выключает музыку, параллельно одеваясь.

— Вася истерит, скоро в рукопашку с моей пойдет. Ты бы ее успокоила?

— Еще раз назовешь мою дочь Васей, и в рукопашку с тобой пойду я. Она тебе что пацан? Что еще за Вася? Ее зовут Василина. — Гордей только весело ухмыляется на словесную атаку грозной блондинки. — Как там Сеня?

— Кто? — Гордей выгибает брови от странного вопроса Даши и вообще от ее нападения.

— Вашу дочь зовут Есения. Чем не Сеня?

— Не борзей, — Гордей выглядит достаточно устрашающе, даже когда улыбается, но тут его тон явно содержит в себе четкое руководство к действию: прикусить острый язык.

— И ты не борзей! — парирует Даша, а я семеню к Гордею, встав между ним и подругой живой стеной. На всякий случай.

— Все, брейк! — развожу руки, чтобы ни один, ни второй не прошмыгнули через меня, а то и вправду начнут драться. — Вы вообще знакомы?

— Имела несчастье познакомиться! — кричит из-за спины Даша.

Она никогда не церемонится в общении, если кто-то смеет нарушить ее границы или задеть ее ребенка. Она на глазах превращается в огнедышащего дракона, который спалит все к чертям и не вспомнит об этом потом.

— Варвара, угомони свою бесстрашную подругу. — Гордей никак не отвечает Даше, демонстративно разговаривает только со мной. — И пусть заберет свою мелкую копию, пока она не выцарапала глаза моей девочке. Есения у нас воспитывается иначе. Мы не учим ее агрессии. — Каждое его слово как красная тряпка, которой размахивают перед разъяренным драконом. — Василине я ничего не сделаю, а вот ее законному представителю придется не сладко. И коль ее отца здесь нет, разговор будет с матерью. И передай ей, что в няньки ни я, ни моя жена не нанимались. Мы приехали отдохнуть. И пока она тут наслаждается жизнью и крутит бедрами, мы развлекаем ее ребенка. Неплохо бы проявить благодарность. А если ума на это не хватает, то как минимум, вспомнить о своих материнских обязанностях.

После резких нотаций Гордей оставляет нас переваривать его яростный спич, громко хлопая дверью. На несколько минут мы затихаем и снова начинаем закатываться от смеха. Он истеричный, ненормальный, но он наш.

— Из какой эпохи выпрыгнул этот дикарь? Разборки он со мной вздумал разводить? Странное сочетание бандогана и последователя Петрановской⁸.

— Последователя кого?

⁸ Людмила Петрановская – известный российский психолог, автор бестселлеров по воспитанию детей.

— Петрановской. Это детский психолог. Не забивай пока себе голову, но, как забеременеешь, обязательно подарю тебе ее книгу “Тайная привязанность”. А что касается этих нянек, то Саша сама предложила оставить у них Васюту. Вот так и принимай помощь, — она неторопливо натягивает угли. — Не нравится мне эта парочка. Все такие из себя. Как с картинки: богатые, влюбленные, счастливые. И подружка эта твоя новая бесит. Уж слишком хочет понравиться. Через меня к тебе подлизывается.

— Даш, она правда хорошая, — решаю заступиться за Сашу, ведь если моя правдорубка ее невзлюбит, эти каникулы пройдут под непрекращающиеся женские интриги и войны.

— Э, подруга, — я получаю от нее недовольный взгляд и даже морщусь: если попаду сейчас Даше под горячую руку, ссоры не миновать. — Ты на чьей стороне? Хороших много, а вот верных, как я, пусть и злюк, попробуй найди. Эта хорошая сегодня за тебя, а завтра сдаст с потрохами за новый брюлик.

— Или как ты, за ипотеку, — отшучиваюсь, но попытка разрядить обстановку выходит неудачной. Даша в своем фирменном жесте выгибает правую бровь, а затем и средний палец, что означает: она включает режим стервы. — Ладно-ладно! Не сверкай глазищами, о, моя единственная и неповторимая лучшая подруга, — с низким поклоном подаю ей куртку и помогаю надеть.

— То-то же! Смотри мне! Встретимся позже. И телефон не отключай. Я, кстати, живу на подселении с родней Захара. Я была вынуждена согласиться, так как свободных мест здесь больше нет!

— С какими его родственниками ты живешь? — прошу у неба, чтобы это были не его жена с дочкой.

— С Соней и Настей, — Даша с вызовом смотрит на меня, и я узнаю эту ее тактику: лучшая защита – нападение.

— С Настей и Соней, — тихо повторяю. Разочарование подкатывает к горлу. Они здесь. Небо отказалось меня услышать. Оно продолжает меня испытывать. Как и Шишкин. Зачем он это делает?!

— Варенька, я понимаю, звучит и выглядит это дико. И я первая бы выдернула ей волосы и расцарапала лицо Шишкину, если бы усмотрела между ними хоть какой-то намек на связь. Точнее, она есть. И это их дочь. Больше их ничего не связывает. У меня чуйка на этот счет. Но это пусть он сам тебе объясняет. — Даша берет небольшую паузу, будто тщательно подбирает слова. — В свое оправдание только скажу, нам с Васютой выдали единственное свободное жилье, хозяйское. Как и Насте с Соней. Дай ему все объяснить. Он неплохой мужик, послать его всегда успеешь. Все, я ушла.

Она хлопает дверью еще громче Гордея, и я остаюсь одна. Соня здесь. Анна-Настя здесь. Гарем какой-то получается. Может он привез их сюда, не зная, что найдет меня? Нет, он же и Дашу с дочкой привез, значит точно знал! И зачем ему всем видом показывать, что хочет быть со мной... А хочет ли? Он вообще-то такого не говорил, только настаивал на разговоре... И всего лишь поцеловал так, что я чуть не лишилась сознания.

Без профессионального отвлекатора Даши мысли о Захаре стихийным бедствием бушуют в голове. Верю - не верю, рада ему - не рада, люблю - не люблю. Я ведь так хотела отвлечься в этой богом созданной глуши, но господин Шишкин снова меня переиграл! Не оставил шанса отключиться от него. Спасибо хоть за Дашу с Васютой.

Плечусь к кровати и падаю на нее животом. Закрываю глаза всего на минутку и, незаметно для себя, засыпаю. Мне снится, что Захар греет меня своим шепотом, прикусывая мочку уха:

— Не спи, зима приснится, замерзнешь.

Так он мне говорил и тогда, в трампункте, когда привез меня спасать от бешенства, а теперь услужливый мозг подбрасывает приятное воспоминание с легким дополнением в виде сладкой до дрожи ласки.

Наслаждение щекочет кожу, и я со стоном зарываюсь лицом в подушку, с готовностью к продолжению выгибаясь в спине, поднимая ягодицы и сжимая бедра для усиления пылающих внутри ощущений. Если наяву с Шишкиным у нас все сложно, так пусть хоть во сне будет прекрасно-горячо... Роняю стон в подушку, шепчу его имя:

— Захар...

— Варя...

Его ответный хрип такой реальный. В нем столько желания и обещания вознести меня к небесам, что я взбиваю пальцами подушку, еще сильнее сжимая бедра и начиная ими покачивать. Мой сон — мои правила, поэтому, без каких-либо прелюдий, хочу Захара. Прямо сейчас. О чем и молю-требую во сне, без всяких стеснений:

— Сейчас... Захар... Хочу тебя... сейчас...

Хочу сжать его тугим кольцом внутренних мышц насколько это возможно, чтобы... не отпустить, чтобы насытиться им, утолить голод по его телу, рукам, поцелуям... Но он все медлит, чертов мучитель! Готова связать его во сне, приковать к кровати и как следует воспользоваться его беспомощным состоянием!

Неожиданно грань между сном и реальностью становится настолько хрупкой, что я чувствую в мельчайших деталях его язык на моей шее. Горячий. Влажный. Дразнящий. И дыхание раскаляет кожу... В нее вонзаются зубы так резко и сильно, что я вздрагиваю от приятной, но все же боли, и понимаю: что-то с моим сном не так!

На меня ложится что-то. Чувствую вес этого инородного на теле. Пугаюсь от осознания, что это и не сон вовсе. Не понимаю, где я, с кем и что происходит. Сердце скачет к пяткам, под одеяло, и я подпрыгиваю с криком, отмахиваясь от этого большого, страшного и дышащего. Беспорядочно отмахиваюсь руками, сжимая от паники глаза. Это что-то отступает от моего тела, не преследует.

Заставляю себя вспомнить все уроки выживания от отца и тренеров. Пытаюсь нащупать хоть что-то для самообороны и, ничего не найдя, сжимаю кулаки и опираюсь на колени, группируюсь в бойцовскую стойку. И только после этого открываю глаза, пытаюсь вспомнить, где я вообще.

— Варвара Борисовна, вы уж решите: хотите меня отыметь или отлупить. Чур я за первый вариант, — Шишкин из моего сна стоит рядом с моей кроватью и смотрит на меня настороженно, с легкой, успокаивающей улыбкой. — Одного зуба достаточно, второй не отдам. Я буду кричать!

Я все еще сжимаю кулаки, но теперь полностью осознаю, где я, с кем и как нелепо выгляжу со стороны. Почему рядом с Шишкиным я всегда попадаю в глупые ситуации? А-а-а!

— Выйди.

— С чего это?

— Выйди и зайди заново. Ничего этого не было. Машина времени и все такое... Ну? Что тебе сложно что ли?

— Нет. Тебе же было сложно позвонить мне, прежде чем надумывать себе ерунду и убежать от меня без разговора.

— Как и тебе! — мгновенно взрываюсь от его обвинений, как будто это я наворотила делов! Это он пропал на ночь с бывшей женой, которую любил без памяти! Иду к столу за новой порцией воды. Большими глотками пью прямо из кувшина и продолжаю перестрелку обвинениями: — Сложно было приехать ночевать дома? Сложно было нормально позвонить мне и сразу все объяснить? Сложно было перезвонить?

— Ночевать дома? — Захар непонятно зачем переспрашивает.

— Вот именно, дома!

— Ты сказала “дома”. Не “у себя”, не “в квартире”, значит по-прежнему считаешь его нашим домом, — улыбается как дурак, подловив меня на этом слове. Но я не я, если позволю ему вывернуть сейчас все в свою пользу без необходимых мне объяснений.

— Это для меня твой дом — квартира, а для тебя — дом. Можешь не улыбаться, — пытаюсь приручить непослушный халат, натягивая махровую ткань на грудь и собирая в комок у шеи. Поджимаю губы и тут же их расслабляю, чтобы не выдавать свои истинные эмоции. Хочу выглядеть как сама невозмутимость. — Машина времени отменяется. Если есть, что сказать, я слушаю, — шумно ставлю кувшин на стол и, отпуская воротник, скрещиваю руки на груди. А самой хочется с разбегу запрыгнуть в машину времени, пропустить этот период наших разборок, и сразу оказаться в более приятных событиях.

— Я так соскучился, Варь. — Захар подходит ближе, а у меня перехватывает дыхание. Съеживаюсь под его пылающим взглядом. — А ты?

Очень. Соскучилась. Хоть и злюсь на себя за это. Предпочла бы выкинуть из головы все эти навязчивые, зудящие, слезоточивые воспоминания... О наших переплетенных руках и ногах, об идеально подходящих друг к другу впадинах и выпуклостях, о том, как хорошо мне было с тобой. Не хочу помнить, как вслушивалась в твой голос и замечала малейшие колебания тембра, когда испытывала тебя на прочность. Вкус твоих губ... То, как ты смотрел на меня... Прямо как сейчас... Я не знаю, что со мной происходит, когда Шишкин рядом. Это иррационально. Вне науки. Это как воздух, который нельзя потрогать, измерить, но он есть. И стоит ему исчезнуть — не сможешь не заметить его отсутствие. Задохнешься.

— Мне некогда было скучать, — вру, опуская взгляд в пол, и слышу тяжелый вздох. Тяжелый, разочарованный вздох Захара.

Почему я просто не могу взять и сказать, что на самом деле думаю? Что скучала, но дико боюсь, что он просто со мной проводит время, а я ведь влюбилась, по-настоящему и, если это не взаимно, мое сердце будет разбито. Зачем усложняю жизнь и себе, и ему? Нам?

— Ты точно это хотела сказать? А, кабарга? — его пальцы скользят по линии моего подбородка. Я прикрываю глаза от этого невесомого прикосновения, его прикосновения. До чего же приятно... Как я истосковалась по нему.

— Нет, — признаюсь, не поднимая веки, а Захар ведет кончики пальцев ближе к губам, но не касается их, перемещается к щеке. Я наклоняю голову навстречу касанию, плотно прижимаясь к его ладони. Сдаю себя. Уличаю во лжи не словами, телом. — Захар...

— Глупая моя кабарга, — скоблит уже обеими ладонями мое лицо, словно снимая с него остатки фальши, а я тянусь к нему, как за ночь изголодавшийся по солнцу цветок, стремясь поймать световые лучи каждым лепестком. Захар так крепко меня обнимает, что я позволяю себе полностью расслабиться, обмякнуть в его руках, сдать себя чувствам и этому моменту.

— Ты сделал мне больно... — признаюсь, не глядя в глаза. — сначала заставил поверить, что у нас все серьезно. Этот переезд стремительный, кот, наши планы... А потом... Пропал... Не отвечал на звонки... Хотя мог... А когда увидела с другой... ты целовал ее руки, также как мои... — дрожу всем телом, а Захар лишь крепче прижимает к себе. — Я сломалась прямо там, на улице. Я не вынесла бы очередной лжи... и не готова к таким отношениям. Я лучше буду одна, без тебя. Переболею и потом отпустит. Я же медик. Лечилась, как могла.

— Я ведь не боюсь, Варь, — гладит меня по голове, мы разговариваем, крепко прижавшись друг к другу, признаемся в сокровенном, избегая контакта глазами, будто не выдержим его. — От меня не нужно лечиться. Ты нужна мне. Я тебя никуда не отпущу.

“Ты нужна мне” не равно “люблю”. Он только мучает меня, говорит то, чего мне недостаточно. Я хочу ясности. Но он мне ее не дает. Я же продолжаю добывать правду так скрупулезно, как сохраняла ему выбитый зуб, работая на результат.

— Кто я для тебя, Захар? Мне нужна ясность. Гарантии...

— Я твоя гарантия, Варь. Я здесь. С тобой.

— А как же твоя жена? — пытаюсь выбраться из его рук, но он дает только немного больше свободного пространства, чтобы могла расправить грудную клетку для глубокого дыхания, но не отпускает.

— У меня нет жены, забыла?

— Она здесь! Ты привез ее сюда! — внутри клокочет все, как подумаю о нем с его любимой Настей, так выворачивает наизнанку всю.

Запрокидываю голову назад, решаюсь посмотреть на Захара. Взгляд серьезный. Он его не прячет, не дрожит от непростого разговора, не прячется, в отличие от меня.

Окончательно выбираюсь из его объятий, и он мне это позволяет сделать. Сажусь на кровать, пытаюсь сгрести пальцами ног прохладный ламинат на полу будто это песок. Всем телом вздыхаю, чувствуя огромное напряжение в груди, плечах, челюсти. Оно держит меня крепкой хваткой.

Я люблю Захара. Это не просто влюбленность. Он здесь — и сомнения в этом окончательно уходят. Но его прошлое наступает на пятки нашему настоящему. Не знаю, справлюсь ли с этой ревностью, что облепляет меня липким слоем недоверия, разъедает радость, оставляет навязчивые картинки, как он целовал и ее, хотел, любил.

Захар опускается на колени у моих ног, обнимает их за лодыжки и подтягивает их к себе. Напряжение в теле вздрагивает, но все еще крепится, не хочет меня отпускать. Захар нежно целует каждую коленку, поглаживая икры, вверх-вниз, вверх-вниз. Сладостная дрожь бежит след в след за его теплыми пальцами, не отставая. Вверх-вниз. Вверх-вниз.

Напряжение недовольно ворчит, отпуская контроль сначала над челюстью, а от нее сдается дальше — возвращая спокойствие шее, плечам, позвоночнику и даже животу. Я и не осознавала, как были скручены-перекручены мышцы живота и каким мягким, легким он может быть. Шишкин поднимается ладонями по моему телу, заметно задерживаясь на груди, и возвращается к моему лицу. Сжимает щеки так, что у меня приоткрывается рот. Шумно и быстро целует, слегка ослабляя хватку и шепчет губы в губы:

— Я не обманывал тебя. Но и не хотел нагружать тебя своим прошлым. Решил разобраться со всем сам. — Отодвигается от меня и теперь я могу упереться взглядом в его глаза, радужка которых темнеет до цвета горького шоколада. Удивительные глаза. Они не могут врать. Не могут. Я хочу верить им. — Я ошибся.

— Ты расскажешь мне все? — Теперь я даю ему больше пространства, но все так же вплотную к нему сижу. Мои руки тянутся к его лицу, и Захар стонет, закрывая глаза. Какой же он красивый, этот мужчина. Мой грозный медведь. То, что между нами сейчас происходит, невозможно ополнить ложью, обесценить игрой. Мы оголенные до нашей сути. Мы открываем друг другу души. И это невозможно без доверия. Я на это решаюсь. И взамен прошу лишь о том же, изо всех сил стараясь справиться с отравой-ревностью. — Правду?

И он ведет меня в нее. Рука в руке. Под бой сердец в одной мелодии, чистой, как надежда. Со сплетенным в одно целое дыханием друг друга. Рассказывает, как узнал в Анне бывшую жену Настю, как был шокирован, что наша знакомая Соня — его дочь. Как в тот вечер поехал к ним домой, где на маленькой кухне матери Насти вместе с дочерью слушал подробности о бесследном побеге бывшей вместе с его ребенком. Мне больно за него, за себя. Всматриваюсь в него, выискивая признаки любви к матери его ребенка. Но еще больше — доказательства ее отсутствия.

То, что я слышу дальше настолько ужасно, что ревность к Насте смешивается с сочувствием к ее судьбе и испытаниям, которые ей пришлось проходить. Ни одной женщине этого не пожелаешь. Захара посадили, и трусливые недруги молодого, но дерзкого спортсмена в криминальных кругах почувствовали себя смелее. Они мстили ему через жену и ребенка. Однажды у подъезда их дома Настю подкараулила нанятая бандитами женщина в чулке на голове и плес-

нула в лицо кислотой, сказав, что следующей жертвой будет маленькая Лиза. И посоветовала не ждать расправы, а спасать себя и дочь. Что и самому Шишкину в тюрьме не выжить, расправа с ним — вопрос времени. Настя выбрала жизнь дочери. А кто бы не выбрал...

— Ты ей веришь?

— Да, — хрипит Захар с каменным лицом и утыкается лицом в мои колени.

Чувствую боль и внутренний надлом в его голосе. И прекрасно понимаю, что он испытывает. Ведь если это правда... Если Анна, то есть Настя, пережила такой ад и никто не мог защитить ее от бандитов, то никто не вправе осуждать девушку за такой выбор. За выбор без выбора. Она делала все, чтобы спасти их дитя, как могла. И у нее получилось. *Настя не предавала Захара*. А я... Я заставляю его не просто ворошить прошлое, а вывернуть его наизнанку передо мной. Обнажить свои чувства. Ведь если он ее до сих пор любит... То мы... То "нас" больше нет.

— И я верю. Ты прости ее? — мне совсем не хочется обелять его бывшую, но не могу не озвучить простой вывод: — Она не предавала тебя...

— Все это сложно, — каждое новое слово дается Захару все труднее, он поднимает лицо и не отводит взгляд, выдерживает все мои сомнения, но и не дает четких ответов на мои вопросы.

— Ты ведь любил ее? — спрашиваю тихо и совсем не то, что хочу, оттягивая самые болезненные и решающие для меня признания о том, что между ними сейчас, что он чувствует к ней.

Захар кивает, уголки его рта кривятся, и пальцы на мгновение впиваются в мои икры, и тут же возвращаются к легким поглаживаниям, но движения выходят скомканными. Такое ощущение, что он тоже не готов к ответу на главный вопрос, который я пока не решаюсь озвучить.

— Ты фокусируешься не на том, Варвара Борисовна, — дергает меня на себя и я соскальзываю с кровати к нему на колени. Соединяет наши лбы, ласкает своим теплым дыханием. — Есть я и ты, — он говорит вроде правильные вещи, и мое взволнованное сердце поддакивает ему в каждом своем ударе, толкая грудь к нему все ближе и ближе, в то время как недоверчивый мозг из последних сил пытается сосредоточиться на добыче достоверных данных. Каждая извилина скандирует: *«Думай головой, Варвара Борисовна, не сердцем. Если он до конца не определился, то вам не по пути»*. А между тем Захар заглушает попытки моего мозга оставить последнее слово за собой, заручаясь поддержкой сердца: — Все, что между нами — настоящее. Только это и важно, Варь. Верь мне.

Его губы в опасной близости от моих. Это расстояние ничтожно по сравнению с нестерпимым желанием снова ощутить вкус его губ, застолбить свое право вдыхать его запах, касаться его, быть с ним. Только мое право.

Рядом с Шишкиным мой умный мозг не раз проигрывал. И он сдает свои позиции прямо сейчас. Когда лицо Захара так близко. Когда его дыхание становится моим дыханием, подчиняя своему ритму. Когда сердца, что разделяются только двойной реберной перегородкой уже обо всем договорились, стучат и стучат, как заведенные, выстукивая, словно азбукой Морзе, простую истину. *Есть только я и он*. Все остальное — вызов, проверка чувств на прочность, математическое уравнение, которое мы сможем решить, если выберем решать. И я лишая мозг права голоса, отдаюсь чувствам, как бы страшно мне ни было ошибиться.

— Я выбираю тебя, — шепчу, сокращая расстояние между нашими губами. — Я верю тебе, — оставляю признание на его губах своими. Запускаю пальцы в его волосы. — Не разбивай мне сердце...

Вверяю ему всю себя. Целую, как в последний раз. Я разрешаю себе любить без гарантий. Разрешаю рискнуть своим сердцем. Захар принимает мое доверие губами, прижимает меня к себе так, что между нами не остается ни миллиметра пустого расстояния. И мы сидим в этой

странной позе, целуемся, не в силах оторваться друг от друга. Но Захар не идет дальше, словно ему важно обозначить, что между нами больше, чем только физическое влечение.

Периодически наши телефоны звонят и гудят от сообщений. То попеременно, то по очереди, но мы игнорируем настойчивых звонящих, цепляясь не только друг за друга, но и за наше время без посторонних. Весь мир за пределами этой комнаты, вне наших объятий вмещается в одно слово “посторонние”.

От наших тел становится так жарко, что хочется открыть настежь окна и двери, хоть немного остудить кожу, но ни я, ни Захар не торопимся расставаться с этим моментом. Словно он настолько хрупкий, что отпусти контроль над ним хоть на минуту, и он ускользнет от нас и больше не повторится.

Мы одновременно вздрагиваем от громкого стука в дверь. Я жду, что сейчас она откроется, и хочу встать с Захара, но он не дает, крепко держит меня за бедра и прижимает к своим. От неприличных мыслей вспыхивают щеки, я хихикаю ему в плечо. С той стороны не сдаются, дергают за дверь. Но, как ни странно, она не поддается.

— Я закрыл дверь изнутри. Кто бы там ни был, я еще не готов делить тебя с остальным миром.

Его горячие пальцы рисуют микроскопические круги на коже и, похоже, не собираются заходить дальше, скромничают. Ждут особого приглашения? С удовлетворением замечаю, что не все части тела подчиняются самоконтролю Шишкина, тот самый орган, в котором я крайне заинтересована, становится заметно больше, и я усиливаю рост его мышечной массы, специально чуть заметно двигая бедрами. С удовлетворением замечаю учащенное дыхание моего мужчины и мгновенно напрягшееся подо мной тело.

— Они сейчас выломают дверь, — говорю, как будто меня это волнует.

— И я вышвырну их в ту же секунду, — Захар в подтверждение своих слов яростнее стискивает меня в объятиях, впиваясь пальцами в кожу ягодиц, спины, рук, а губами всего, до чего может дотянуться в нашей не самой удобной слепленной из друг друга позе.

Незаметно для меня халат повисает на мне бесформенной тряпкой, держась только на туго завязанном поясе. Одно ловкое движение пальцев — и бюстгальтер больше не держит грудь, падает под нее, держась только ляжками за мои руки. Круговорот наших асинхронных касаний настолько стремительный, что они становятся единым, всепоглощающим, бесконечным слиянием наших тел.

Я не могу оторваться от Шишкина. Не могу им насытиться. Как сорвавшийся с жесткой диеты оголодавший человек бросаюсь на него. Избавляю от лишней кофты. Веду языком по ключице, шее, останавливаясь лишь чтобы впиться в его кожу с жадностью, которую не знала раньше. Мне его мало. Чем больше его трогаю, лижу, целую, кусаю, вбираю в себя ртом, тем больше хочется еще и еще.

Распаляюсь все больше и чувствую то же самое в ответ. Запах и вкус Шишкина сводят меня с ума. Будят во мне самые порочные инстинкты. Бедра ритмично реагируют на эту животную страсть и настойчивее, амплитуднее двигаются, имитируя самую приятную часть задуманного мной плана. Еще немного — и поджарю на нем всю одежду ниже пояса, так я горю. Шишкин же стонет так, будто ему больно. Но я-то знаю: ему нравится, даже если больно.

Непрошенные гости для нас уже не существуют. Их стук с трудом может пробиться сквозь возведенную из нашего желания стену. И, видимо, наше игнорирование наглого штурма двери домика расшифровывают правильно — нас оставляют в покое.

— Варя... Я... сейчас... взорвусь...

— И я... Взорвемся вместе...

Закидываю руки себе за спину, выгибаясь мостиком, чтобы он стянул с меня белье. Или просто отодвинул. Как можно скорее. Но он делает другое. Рвет мои новые, нереально кра-

сивые трусики одним движением и кусает кожу живота. Кричу. Кусаю губу. Извиваюсь в его руках.

Захар разворачивает нас в параллель к кровати. Снимает меня со своих колен и опускает на пол. Привстаю на локтях и развожу колени в стороны.

На моих предплечьях все еще болтаются рукава от халата и лямки от лифа, который мой мужчина разрывает пополам:

— Черт! Он же новый, Шишкин! Мне его подарили! — Он так резко замирает, рыская взглядом по моему лицу, что тороплюсь уточнить: — Дашка подарила, клянусь!

— Куплю новое, — и все свое внимание обращает на то, что больше не скрывает прозрачное кружево. Накрывает своими большими теплыми ладонями полушария, отчего кожа вмиг покрывается мурашками. — Секунду, только не убегай, — приподнимется и достает из кармана презерватив.

Шуршание рвущейся упаковки. И вот он уже раскатывает резинку по всей длине.

— Подготовился, — только и хмыкаю.

Захар притягивает мои бедра ближе. Вожделенно смотрит на меня сверху вниз. Ставит палец в ложбинку на груди и мучительно неторопливо ведет им к пупку, проваливается в ямку, идет дальше, к низу живота. Мои колени нетерпеливо подрагивают, а от дорожки его прикосновения во все стороны расходятся волны тепла и дрожи, стягиваясь к чувствительному центру между ног. Когда его палец приближается к зоне бикини скорость его движения становится катастрофически, вопиюще, болезненно медленной. Открываюсь ему навстречу, тянусь, зазываю.

Внутри уже все томится, тикает пульсацией, нуждается во вторжении. Задираю бедра, прогибаясь в позвоночнике и врезаясь подбородком в яремную впадину между ключицами. Предлагаю себя. Ну же! Бери!

Когда Шишкин добирается пальцем до намокшей слизистой, нечленораздельное ругательство слетает с его губ. Он стискивает руками мои бедра и делает резкое глубокое движение своими, заполняя меня собой полностью, до упора.

Оба вздрагиваем. Он там, где ему самое место. И ему там рады. Шишкин-Шишкин! Вы полностью оправдываете свою соблазнительную фамилию! Ваша шишка... Она вкручивается в меня и вжимается, вдальбливается и скользит. Не хочу выпускать Шишкина из себя. Напрягаю мышцы. Шея ноет от неудобного положения. Откидываю голову назад. Кожа на локтях и предплечьях горит. Развожу руки в сторону, рухнув на спину, но все также под неестественным углом выгибаюсь дугой вверх, не желая терять ни миллиметра, ни секунды контакта и трения с его бесподобным членом.

Захар перемещает одну руку с моей ягодицы на поясницу, удерживая вес моего тела. Второй — тянется к шее. Сдавливает ее пальцами. Довольно улыбаюсь и сильнее смыкаю кольцо мышц внутри. Он отпускает мою шею, мнет пальцами одну грудь, вторую. Впивается ими в кожу, оставляя горящие полосы вдоль той самой дорожки, по которой вел пальцем секунды назад? Или часы? Время больше не существует, останавливается и тут же ускоряется, петляя между привычными точными ориентирами. А эти пальцы... Они... о, боги... Они... Возносят меня до небес, и обрушивают на землю, сосредоточившись на эпицентре бушующего во мне торнадо чувственности.

Я выкручиваюсь Захару навстречу. Стону. Вскрикиваю. Хныкаю. А его бедра то ускоряются, то замедляются под каким-то непостижимым углом, идеальным углом, продолжают и продолжают доставать из меня все эти хаотичные звуки, раскачивать воронку удовольствия, уводя за грань сознания... Он неотрывно смотрит на меня, снимаю с моего выражения лица каждую эмоцию, каждую реакцию на него.

— Я вытряхну всю дурь из твоей головы. Буду брать тебя снова и снова. До содранных коленей. До мозолей. Пока не сорвешь голос. Пока не zapomнишь. Ты. Моя. Моя. Моя.

Улыбаюсь его прерывистому шепоту в такт безудержным толчкам и подаюсь тазом еще плотнее к нему. Кричу. Или мне это только кажется?

— Шишкин... — он стонет громче, толкается в меня, призывая замолчать, но я хочу договорить, — Шишкин... — еще толкается, стонет, я жмурюсь, — ваша шишка... — не могу сдержать и своего стона, — бесподобна... — ну, все, сказала то, что крутилось на языке с первого толчка.

Захар ухмыляется и продолжает, продолжает, продолжает творить и вытворять со мной свою плотскую магию. Руки. Ноги. Губы. Кожа к коже. Все сплетается и переплетается, теряет исходную форму и ширится, нарастает, заполняет собой все вокруг.

Кричу. И теперь мне не кажется.

И Захар то ли кричит, то ли рычит, все выше поднимая мой таз. Ноги больше меня не держат. И если бы не рука Захара под спиной, я бы упала. Ноги повисают в воздухе. Раскачиваются. На пределе сил вытягиваю их вверх и смыкаю на его шее.

Захар поднимает меня и переносит на кровать, пытается сдернуть с меня остатки халата, но пояс не поддается. Смеемся. Его пальцы снова на самой чувствительной точке. Я словно выпадаю из реальности, балансируя между миром материи и непостижимого. Грохочем стонами и вскриками. Вибрируем и искримся. Порождаем хлопающие и хлюпающие звуки. Не просто неприличные. Бесстыдные. Вопиюще развратные. Снова кричу. И теряю оставшиеся крупицы физических сил, присутствия здесь и сейчас.

Больше не чувствую тело, его отдельные части. Только невесомость и разливающееся во мне тепло. Теряюсь за закрытыми веками в световом шоу бликов и ярких вспышек. Слышу горловой рык Захара, но не могу даже открыть глаза, пошевелиться, откликнуться на его зов. Я плыву в каком-то другом измерении, растворяюсь в нем, растекаясь, распадаясь на неизвестные науке частицы. Меня накрывает пустота, тишина и вес любимого влажного тела.

Глава 6.

Захар.

Переносу вес тела на руки, остатками разума понимая, что если рухну на нее — раздавлю. Сгребаю в охапку, подминаю под себя. Покрываю поцелуями покрытый испариной висок, а затем и волосы, что щекочут мне нос. Не чувствую, как она дышит и заглядываю в ее лицо. Капельки слез бегут из-под вздрагивающих ресниц. И это бы меня жуть как напугало, если бы не блаженная безмятежность ее лица и тихое, едва различимое поверхностное дыхание.

Как ты прекрасна, Варя, ты даже не представляешь. Моя Варя. Моя. Моя. Прижимаю еще крепче, не доходя до той опасной грани, когда ее кости могут не выдержать напора моих чувств. Ты принадлежишь мне, капризная моя кабарга, даже если считаешь иначе.

Постепенно я прихожу в себя, но не хочу выдергивать из отрешения Варвару. Встаю с нее. Замечаю, что даже не снял трусы и штаны, просто приспустил. Хохочу над собой, над нами. Над ее всклокоченным халатом, с которым так до конца и не справился. Раздеваюсь. Ложусь на бок рядом.

Поглаживаю ее нежную кожу. Любуюсь совершенством линий. Я не планировал, что мы дойдем до постели. Презерватив, его мне сунул полуживой Гордей, а на мои попытки отказаться, сказал, что он мне пригодится. Как в воду глядел! Мои же запасы резины валяются где-то в дорожной сумке, наспех собранной. Ее оставил на ресепшне, ведь я остался без жилья. Надеюсь, Варвара меня приютит, не оставит спать на стульях в банкетном зале.

Перед приходом к ней принял ледяной душ у Гордея в домике, чтобы максимально остудить свой далеко не юношеский пыл. Я давно не испытывал такой потребности в человеке. Со мной случалось это лишь однажды. Чувства превращаются в километры китайской грамоты, в которой и черт ногу сломит в попытке расшифровать. Все, что я чувствую к Варе осязаемо на физическом уровне. Я не могу без нее, как будто она мой воздух, без которого схохну.

С Настей все сложнее, запутаннее. Она как тень, что неотступно следует за нашим ребенком вопреки его и моей воле. Я могу на нее не смотреть, не видеть, игнорировать, но она есть. Хочу вычеркнуть ее из видимости, отодвинуть, задвинуть. Не хочу, чтобы она омрачала свет, который рождает во мне Варя.

Моя спящая красавица медленно покрывается мурашками. Замерзла. Хочу укрыть собой, согреть, но боюсь ее реакции. В одну секунду она может превратиться в стержовину и вдребезги разбить хрупкое единение, что есть сейчас между нами. Или выдумает, что между нами только секс, и сама в это поверит. У меня было много женщин и много секса. И это не тот случай.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.